

Грузовой лифт

Фредерик Дар

1. ВСТРЕЧА

Как долго мужчина, потерявший мать, чувствует себя сиротой? Вернувшись через шесть лет в квартиру, где умерла моя мать, я ощутил, будто кто-то безжалостный накинул мне на грудь петлю и со всей силой стянул ее. Я сел в старое кресло у окна, в котором она так любила штопать и чинить старые вещи, и стал оглядываться по сторонам — в тишине, среди знакомых предметов, которые столько лет ждали меня. Тишина и запахи действуют гораздо сильнее, чем вид старых влажных обоев. Четыре года назад я узнал о ее смерти и похоронах. Эти годы я много думал о ней и с лихвой ее оплакал. И вот совершенно неожиданно, когда я перешагнул порог нашей квартиры, сознание того, что ее нет, обрушилось на меня с размаху, словно оплеуха. А за окном было Рождество. Лишь оказавшись в Париже — с его оживленными бульварами, с разукрашенными и ярко освещенными витринами, с елками на перекрестках, в гирляндах из лампочек — я понял это. Рождество. Было большой глупостью с моей стороны вернуться домой в такой день. В ее комнате витал запах смерти. Кровать была разобрана, матрасы завернуты в старую простыню. Те, кто готовил ее в последний путь, переставили и стакан со святой водой и самшитовой веточкой. Теперь эти грустные принадлежности стояли на комодке рядом с распятием из черного дерева. В стакане уже не было воды, и листья самшита пожелтели. Когда я дотронулся рукой до ветки, они, словно золотые пластинки, упали на ковер. На стене висела моя фотография в рамке с вымученный резьбой — отцу казалось, что это красиво. На снимке я был на десять лет моложе, но нисколько не выигрывал от этого. Я выглядел отталкивающе — болезненный молодой человек со впалыми

щеками, косым взглядом и складками у рта, какие бывают только у людей жестоких или очень несчастных. Только мать могла не замечать всего этого и даже находить меня красивым. Я предпочитаю себя сегодняшнего. Жизнь изменила меня, черты лица выровнялись, а взгляд стал смелым. Ну что ж, осталось только поприветствовать свою комнату. Здесь ничего не изменилось. Моя кровать была застелена, на ней громоздились мои любимые книги, а на ключе, что торчал в дверце шкафа, по-прежнему висел человечек, вырезанный мной из куска орешника. Я упал навзничь на кровать и сразу узнал шероховатое прикосновение покрывала, запах окрашенной материи. Я закрыл глаза и позвал, как делал это когда-то по утрам, требуя завтрак:— Ну, что скажешь, мам! Обычно люди просят по-другому, ясно, чего они хотят. Я же ничего не мог придумать, кроме этого простого призыва, брошенного обыденным тоном. Еще некоторое время, напрягшись изо всех сил, я надеялся услышать ответ. Казалось, я не колеблясь отдал бы всю оставшуюся жизнь, лишь бы вернуть ее хоть на мгновение. Да, все, что угодно, лишь бы услышать ее голос, слегка озабоченный, когда она обращалась ко мне:— Ты уже проснулся, малыш? Я проснулся. И целая жизнь должна пройти, прежде чем я засну вновь. Мой призыв вибрировал, затихая в глубине квартиры, и у меня было время почувствовать, сколько в нем грусти. Нет, провести здесь вечер просто невозможно. Мне необходимы шум, свет, алкоголь. Мне нужна жизнь! В шкафу я обнаружил свое пальто на искусственной, под верблюжью, шерсти, сильно пронафталиненное матерью. Когда-то оно было мне велико, а теперь жало в плечах. Надевая его, я рассматривал остальную одежду, аккуратно висящую в чехлах. Что за нелепо выглядел этот халат, который мне совсем не шел! Только он показывал, каким я был. Я вышел, а точнее, выбежал. Консьержка подметала пол, бурча себе что-то под нос. Это была все та же старая женщина. Даже в те времена, когда я был мальчишкой, у нее уже был этот усталый вид, вид человека, достигшего конца своего пути. Тогда я считал ее ужасно старой, она казалась старше, чем сейчас. Она посмотрела на меня и не узнала. Она

плохо видела, а я изменился. Нечто маслянистое падало на асфальт, словно дождь, и блестящая мостовая отражала огни. Узкие улочки Левалуа были заполнены веселыми людьми. Они выходили с работы, неся в руках что-то к праздничному ужину, толпились у устричников — закутанные в морские свитера устричники потрошили в корзинах устриц под гирляндами из разноцветных лампочек. Колбасные магазины и кондитерские были переполнены. Хромой продавец газет зигзагами бегал с одного тротуара на другой, выкрикивая новости, на которые всем было глубоко наплевать. Я шел без всякой цели, наобум, неся в себе раздирающую тоску. Я остановился перед маленькой витриной книжно-канцелярского базара. Это был один из тех магазинчиков, которые есть в каждом квартале и где продают все — трюфели для Первого причастия, петарды к празднику Четырнадцатого июля, школьные принадлежности к началу учебного года и ясельные гарнитуры в декабре. Эти лавки — моя юность, и я люблю их еще больше оттого, что они постепенно исчезают из жизни. Почему я вдруг почувствовал непреодолимое желание войти туда и купить все равно что, только бы испытать радость от встречи с прошлым? В тесном помещении толпились люди — четверо или пятеро. Продащица была похожа на старую вдову. В вечном трауре. Из глубины лавки пахло какао. Я был рад, что в магазинчике кто-то есть. Я мог задержаться, оглядеться, рассмотреть это дешевое великолепие и найти в нем несколько картинок детства, которые были мне сегодня необходимы. Помещение напоминало грот, в котором собрали сверкающие самоцветы. На полках теснились новогодние елочные игрушки — стеклянные птицы, Деды Морозы из картона, корзины с тряпичными раскрашенными фруктами, хрупкие разноцветные шары, превращающие обыкновенную елку в сказку. Подошла моя очередь, за спиной ждали люди. — А для господина? Я протянул руку и указал на маленькую клетку из картона, окрашенного в серебристый цвет и посыпанного стеклянной пудрой. Внутри на золотых качелях раскачивалась птица из голубого и желтого велюра. — Вот это, —

пробормотал я.— Что-нибудь еще?— Все.Продавщица положила клетку в картонную коробку и завязала.— Три двадцать.Выйдя из магазина, я почувствовал себя лучше. Я никак не мог понять, почему покупка новогодней игрушки, которой я не мог найти никакого применения, вдруг связала меня с прошлым. Это было просто тайной.Я зашел в табачный магазин, чтобы выпить аперитив. Бар был полон возбужденными мужчинами, которые говорили о том, что они будут делать этой ночью. У одних пакеты были зажаты под мышкой, у других свертки торчали из карманов.Сначала я собирался проехать на автобусе по Большому бульвару, затем, поразмыслив, решил все же остаться в своем квартале.Народ в Левалуа был беднее, но более шумный и сердечный. На каждом шагу я натыкался на людей, лица которых мне говорили о чем-то, но меня никто не узнавал.На одном из перекрестков кто-то громко крикнул: «Альбер!» Я резко обернулся, но звали не меня, а огромного прыщеватого парня в клетчатой куртке кондитера, который валял дурака на трехколесном велосипеде для перевозки товаров.Мой старый квартал! Родной запах влажной копоти и жареного мяса, плохо уложенные каменные мостовые, угрюмые фасады домов.Эти бары и бездомные псы, на которых даже живодеры рукой махнули после бесплодных попыток извести их.Так я и шагал около часа под липким дождем, пополняясь впечатлениями, — горькими и нежными одновременно, которые возвращали меня лет на пятнадцать назад. В то время я еще учился, и рождественские праздники сохраняли для меня свое волшебство.Около восьми часов вечера я вошел в самый большой ресторан нашего квартала. Вообще-то это было нечто вроде традиционной пивной с зеркалами, лепными стенами и потолками, с катком для салфеток, гигантскими скамейками, вьющимися растениями, стойкой-буфетом и официантами в черных штанах и белых куртках.Огромные окна закрывали решетки, а летом зеленые растения выносили прямо на мостовую. Ресторан был из числа провинциальных заведений с хорошей репутацией. Хорошая репутация досталась по наследству. Все мое детство, когда я воротил нос

от обедов, приготовленных матерью, она со вздохом говорила: «Ну, тогда сходи пообедай у Шикле». Действительно, я мечтал в один прекрасный день отправиться туда обедать. Мне казалось, что только очень богатые и уважаемые люди могут позволить себе эту роскошь. Каждый вечер, возвращаясь с занятий, я останавливался перед огромными окнами ресторана и смотрел, разглядывая сквозь сигаретный дым напыщенную публику в зале. После ужина важные господа играли в бридж. Когда наступало наше время, игральные столы исчезали один за другим, словно потерпевшие крушение корабли. Оставался лишь маленький островок в глубине зала, где сидели самые рьяные игроки и вокруг которого с раздражением суетились официанты. Я впервые вошел сюда. Перед моим отъездом, хотя средства да и возраст позволяли, я не смел даже приблизиться к входной двери. А теперь посмел. Больше того, я вошел к Шикле развязной походкой завсегда. Во время моего длительного отсутствия я твердо решил, что обязательно приду сюда. Я столько раз представлял себе это, столько раз репетировал свои движения, что действовал почти автоматически. На мгновение я замешкался из-за необычных для ресторана запахов, которые я не мог себе представить, — пахло полынью, устрицами и еще старым деревом. В глубине зала возвышалась огромная елка, увешанная электрическими лампочками и ангельскими конями, что придавало ей ярмарочный вид. Официанты прикрепили к своим белым курткам кусочки остролиста, а в баре господин и госпожа Шикле угощали старых клиентов аперитивом. Эта пара явно слишком много воображала о себе и о своей роли хозяев. По-прежнему одетые с иголочки муж и жена принимали гостей. Она — довольно крупная женщина, немного похожая на кассиршу из большого кафе, несмотря на темное платье и массивные украшения. Муж — бледный мужчина со слипшимися на макушке редкими волосами и в вышедшем из моды костюме. Ему следовало быть президентом различных обществ и ассоциаций, с жестами прелата просящего слова или дающего его. Рождественский вечер только начинался, и клиентов было

мало. Официант с кривыми ногами пришел мне на помощь — повесил пальто на вращающуюся вешалку и спросил, кивнув в сторону зала:— Предпочитаете какое-нибудь определенное место?— Рядом с елкой, если можно. Мне бы очень хотелось сводить к Шикле свою мать — она даже не переступила порог этого заведения. Наверное, она тоже всю жизнь мечтала однажды зайти сюда. Я сел на скамейку напротив елки и заказал довольно изысканное меню. Как-то сразу мне стало хорошо. Так хорошо, как бывает, когда голоден и сейчас будешь есть, когда очень хочешь спать и ложишься. Истинное удовольствие — в удовлетворении желаний. А в этот день я не только удовлетворял чувство голода, но осуществлял свою детскую мечту. Я стал считать лампочки на елке — их было слишком много. Когда я прекратил эти бесполезные упражнения в математике, где-то совсем рядом тоненький голос произнес:— Какая красивая! Я обернулся и за соседним столиком увидел маленькую, довольно некрасивую девочку трех-четырёх лет, которая тоже рассматривала новогоднюю елку. Голова у нее была, пожалуй слишком большая, лицо плоское, каштановые волосы с рыжинкой и нос картошкой. Она была похожа на Чарли Чаплина в то время, когда он был вундеркиндом. Да, именно так — она была уродливым Чарли Чаплиным. Ребенка сопровождала молодая женщина, без всякого сомнения, ее мать. Она заметила мое движение и посмотрела на меня, улыбаясь, как все матери, когда на их детей обращают внимание. И тут у меня случился шок. Женщина была похожа на Анну. Брюнетка, как и Анна, с такими же темными миндалевидными глазами, с тем же смуглым цветом лица, с тем же чувственным и волевым ртом, который так пугал меня. Ей было лет двадцать семь — столько же, сколько было тогда Анне. Женщина была красива и элегантно одета. У девочки не было ни ее глаз, ни ее волос, ни ее носа, но между тем она была похожа на свою мать.— Ешь свою рыбу, Люсьенна. Ребенок послушно подцепил крошечный кусочек филе соли в своей слишком большой тарелке. Продолжая рассматривать елку, она неуклюже поднесла вилку ко рту.— Она толстая?— Да, дорогая.— Она выросла прямо здесь? Я засмеялся.

Женщина посмотрела вновь, довольная моей реакцией. Несколько секунд она выдерживала мой взгляд, а потом медленно опустила голову, словно я взволновал ее. Я глянул в зеркало: не так уж плохо — человек, повидавший жизнь. В тридцать лет морщины имеют свой шарм, у меня же был целый набор в уголках глаз и одна или две на лбу. Было странно видеть в Рождественскую ночь в ресторане эту женщину с маленькой девочкой. От вида этих двух существ у меня сжималось сердце. Мне казалось, что их одиночество еще более трагично, чем мое, — без всякого сомнения настоящее, но необременительное. Умиротворенность, которую я испытал, придя к Шикле, вдруг исчезла. Всю жизнь я страдал от этих перемен в настроении, во мне жило беспокойство, заставляющее всегда быть настороже. От меня всегда исходил страх, страх, к которому за последние шесть лет мне наконец удалось приспособиться. Я ел устрицы белон и фазана в яблоках, запивая их розовым вином. Время от времени, как бы наблюдая за девочкой, я смотрел на ее мать, каждый раз испытывал тот же шок от сходства между ней и Анной. Наши маневры продолжались в течение всего ужина. Я говорю «наши», потому что женщина приняла игру, если можно так сказать. Когда я поворачивался в ее сторону, она поворачивалась в мою, и с обескураживающей откровенностью ее лицо выражало интерес, грусть, опасение. Мы закончили ужин почти одновременно: медлительность ребенка компенсировала мой поздний приход. Женщина заказала кофе и попросила счет. Я сделал то же самое. К этому времени ресторан был уже полон — официанты бегали от столика к столику, было слышно, как они выкрикивают заказы, словно отдают приказ в машинное отделение корабля. Шум усиливался. Казалось, что находишься не в ресторане, а в зале ожидания на вокзале. Звон вилок и стаканов, легкие хлопки откупориваемых бутылок составляли радостную музыку — гимн веселью, — который теперь, когда я поужинал, почти отталкивала меня. Клиенты в ожидании свободного столика подчеркнuto смотрели в зал. Счет подали сразу. Вместе со сдачей официанты принесли нам и

одежду, а голодные посетители, радуясь, что им освободили места, уже занимали наши столики. Женщина застегнула на девочке драповое пальтишко с велюровым воротником, а затем стала надевать каракулевоe мaнтo, которое держали перед ней распахнутым, отчего на мгновение она стала похожа на гигантскую летучую мышь. Мы оказались у выхода одновременно, и я придерживал дверь, пока они выходили. Она взглядом поблагодарила меня. Этот взгляд я мог бы наблюдать часами, не двигаясь, ничего не говоря, и, может быть, ни о чем не думая. Они вышли. Девочка что-то шепнула матери. Что-то, чего я не смог разобрать, а она, казалось, не слышала. Дождь кончился, и снова становилось холодно. Мягкий холод — явление довольно странное для зимы, и снега-то почти не было. Машин становилось мало, они пронеслись мимо, разбрасывая брызги, магазины уже закрывались. Я стоял столбом у входа в ресторан, не зная, что делать дальше. Во мне еще жил взгляд этой женщины. Удаляясь, она два раза оглянулась. В ее движениях не было кокетства, но не было и страха или опасения. Она оглянулась инстинктивно — я уверен, — словно хотела удостовериться, пошел ли я следом. Она не боялась, но и ни на что не надеялась. Я пошел в том же направлении, что и она. Да, я настаиваю: я вовсе не собирался преследовать их, и если и пошел по той же улице, то только потому, что она вела к моему дому. Сохраняя довольно большую дистанцию, мы прошли несколько сот метров, затем на одном из перекрестков я потерял их из вида. Это было естественно. Я почувствовал неприятный укол в груди, но смирился с разлукой, такой же случайной, как и встреча. Вот только грусть охватила меня, как и шесть лет назад, когда я впервые увидел Анну мертвой, — грусть вперемешку с неверием. Что-то во мне отказывалось принять эту разлуку. Я продолжал идти своей дорогой, направляясь к дому. Проходя мимо кинотеатра, я заметил их в холле. Они стояли, разглядывая кадры из кинофильмов. Вообще-то на фотографии смотрела мать, а девочка же не сводила глаз с рождественской елки посреди зала. Елка была изящная, выращенная в каком-нибудь пригородном саду, а на ветках вместо украшений висели

портретики кинозвезд. Я хорошо знал этот кинотеатр, он назывался «Мажестик». Я видел в нем столько вестернов, что когда-то мог назвать любой фильм, посмотрев лишь несколько метров пленки. Я вошел в холл, женщина заметила меня. Казалось, она ждала моего появления. На этот раз она едва взглянула и внезапно побледнела. Я понял, что если позволю ей подойти к кассе раньше, то потом просто не посмею следовать за ней. Тогда я поспешил подойти первым. Наклонившись к окошку, я увидел в стекле, как она приближается ко мне. Когда я отстранился, она стояла рядом, держа девочку за руку:— Два места. Как и в ресторане, я открыл им дверь, и, как и в ресторане, она посмотрела вглубь меня, только пробормотала робко: «Спасибо». Сеанс уже начался, шел документальный фильм об Украине — колосющаяся степь без конца и края. К нам приблизилась билетерша с электрическим фонариком. Женщина протянула ей два билета. Билетерша, наверное, не заметила девочку, решила, что мы вместе, и посадила нас рядом у довольно широкого прохода. Сердце у меня колотилось, как в тот день, когда мы вместе с Анной впервые куда-то вышли. Расправив плечи, я сидел неподвижно в кресле, уставившись на экран, но ничего не видел, а слышал только стук сердца. Я чувствовал рядом эту женщину и был просто потрясен. Запах, исходивший от ее манто, пьянил меня. Девочка громко задавала вопросы, и мать то и дело наклонялась к ней, шепча:— Помолчи, Люсьенна, здесь нельзя разговаривать. Наконец ребенок замолчал. Документальный фильм закончился, зажгли свет. Я узнал свою старую киношку, ее даже не перекрасили. Все было как прежде: цвет бордо, обивка из темно-красного плюша, зеленые растения из крашеного картона у экрана. Мимо прошла билетерша с лотком, полным сладостей, перечисляя их равнодушным простуженным голосом.— Конфет! — попросила девочка. Это была, конечно, совсем не оригинальная, но вполне удачная возможность завязать беседу. Я мог бы купить кулек конфет и протянуть их ребенку со словами: «Вы позволите, мадам?» Вместо этого я продолжал сидеть неподвижно, нахмурившись и внутренне сжавшись. Мало того, я даже не

шелохнулся, когда билетерша протянула через меня пакетик. Антракт закончился, мне очень хотелось вновь оказаться в полумраке, в атмосфере многозначительной интимности. Я даже не знал название фильма, это меньше всего интересовало меня. По экрану пошли титры, но у меня не было никакого желания их читать. Я опять обрел пленительное состояние покоя, в котором пребывал только что в ресторане. Прежде всего это было чувство безопасности и уверенность в том, что проживешь несколько счастливых мгновений. Девочка заснула. Она постанывала, ворочаясь в кресле, устраивалась поудобнее, но у нее это никак не получалось, и мать взяла ее на руки. Меня задели ноги ребенка. — Извините, — прошептала соседка. — Ничего. Я... Мне не мешает. Но она свободной рукой прижала к себе девочку, чтобы та не дотрагивалась до меня. Эта рука гипнотизировала меня. Я подождал немного, стараясь подавить в себе желание осторожно взять в свои ладони ее руку и так держать ее. Этот контакт был необходим мне, я представлял его, моя кожа чувствовала ее кожу. Я бы мог попытаться схитрить или, точнее, слегка сыграть: принять такую позу, которая позволила бы мне приблизиться к ней — и коснуться пальцами ее рук. Я вновь не решался. Я повернулся к ней, она тоже посмотрела на меня. Это было так просто, что я чуть не умер от сознания силы своего импульса. Я взял ее руку, и она отпустила ноги ребенка. Наши пальцы раскрылись навстречу друг другу, а затем сомкнулись, словно в общей молитве. Безумная нега охватила меня. Я ощутил себя всесильным, и в одно мгновение мне удалось перешагнуть через последние шесть лет. Я снова был с Анной. Она по-прежнему была жива и любила меня. Она передавала мне свою теплоту, а я ей свою силу. Мне захотелось повернуться к незнакомке и сказать ей: — Я люблю вас. Может, я действительно любил ее? Многие считают, что чувству необходимо устояться, что оно является уже результатом, завершением. Я же очень хорошо знаю, что это не так. Я, который когда-то полюбил Анну и эту женщину с первого взгляда, которым мы обменялись. Так мы и сидели, сплетя руки, и любовь входила в нас сквозь

пальцы. Затем девочка заерзала и принялась плакать во сне, мать вырвала у меня руку, и движение показалось мне разрывом. Она прошептала спящему ребенку:— Мы сейчас вернемся домой, Люсьенна. Скоро ты будешь в своей кроватке. Она говорила это для меня.— Если вы позволите, — пробормотал я. Я взял девочку на руки, поудобнее пристроил ее, затем встал. Она была тяжелой, от нее еще пахло младенцем, во сне ее нескладное личико стало красивым и трогательным. Мы поднялись по проходу, идя рядом. Мне казалось, что я знаю ее давно и близко. Ритм ее шагов был мне знаком. В холле в резком свете больничного неона мы еще раз взглянули друг на друга. Казалось, ей немного мешал, и я испугался, что это реакция на мою дерзость. И все же, разве она не поощрила меня, когда я спросил:— Вы на машине?— Нет, я живу недалеко отсюда. Она протянула руки, чтобы принять ребенка.— Спасибо... В это время она обычно спит.— Я провожу вас! Безусловно, она ожидала такого предложения, и все же что-то, не знаю, что именно, проскользнуло в ее взгляде. Какое-то время она стояла неподвижно, затем ее руки упали вдоль тела.— Спасибо. Она повернулась и пошла, не заботясь больше о нас. Я еле попевал за ней, потому что девочка становилась все тяжелее и тяжелее. Впервые в своей жизни я нес на руках ребенка, я даже не предполагал, насколько это трогательно. Я шел осторожно, боясь упасть и уронить свою драгоценную ношу. Так мы и шли друг за другом до конца улицы, затем она повернула направо в сторону нового квартала, которого я не знал, потому что перед моим отъездом его только начали строить. Здесь было меньше света, не было ни магазинов, ни устричников, ни елок, не считая тех, что горели разноцветными огнями в окнах квартир. В полумраке возвышались светлые конструкции. К ним и направлялась женщина. Она молчала всю дорогу, словно забыла о нас — о дочери и обо мне. Раз или два во сне девочка пыталась вырваться, и мне пришлось прижать ее к груди, чтобы она успокоилась. Должно быть, это был очень нервный ребенок. Из квартир доносились звуки радио и телевизоров, люди уже праздновали Рождество, хотя еще было только

десять часов вечера. Но все эти звуки были подобны фону, а единственной реальностью казались наши ритмичные шаги. Мои силы были уже на пределе, когда она наконец остановилась у новых железных ворот, на которых желтыми буквами, оправленными в черное, было написано: Ж. Драве — Переплетная. Она достала из кармана ключ и приоткрыла створку ворот. Наступила пора сказать правду. Я вглядывался в таинственную черноту за приоткрытыми воротами. Можно было с трудом разглядеть двор, два грузовика; в глубине возвышалось широкое трехэтажное здание, в окнах которого отражался свет фонаря на углу заброшенной улицы. Все было черным, неведомым, молчаливым. Мы обменялись таким же взглядом, как в холле кинотеатра. — Ну вот, — прошептала она, а затем произнесла простые слова, которые позже обрели совсем иной смысл. Это здесь. Что это было — прощание? Или, может быть, — приглашение? Проще всего было спросить ее об этом. — Должен ли я уйти? Она ничего не ответила. Это было приглашение. Мы вошли.

2. ПЕРВЫЙ ВИЗИТ

С двух сторон двора возвышались горы бумаги в стопках, укрытые витражами и стеклянной крышей. В глубине располагалось ателье. Справа была черная дверь, на которой по трафарету написано «частный». Женщина открыла эту дверь. Она протянула внутрь руку, щелкнула выключателем, но свет не зажегся. — Так и есть, — пробормотала она, ничего не объясняя. Она взяла меня за локоть и повела в темноту. Шагом слепца я двинулся за ней, до смерти боясь стукнуть обо что-нибудь головой ребенка. Моя спутница остановилась. Она пошарила рукой и открыла решетку лифта. — Поедем на грузовом лифте, — объявила она. Я вошел в металлическую клетку. Сквозь решетку потолка вверху виднелись еще два этажа и стеклянное окно, откуда шло легкое свечение. — Вы, наверное, устали, — прошептала она. — Она тяжелая, правда? Я чувствовал ее бедро, прижатое ко мне, и мне хотелось, чтобы это прикосновение длилось всю ночь. Кабина поднималась медленно. Вдруг

она остановилась. Моя спутница отодвинула решетку и продолжала держать дверь открытой, пока я выходил с ребенком на руках.— Осторожнее, здесь ступенька. Я сделал большой шаг. Она держала меня за руку, и я чувствовал, как ее ногти впиваются мне в кожу. Действительно ли она боялась, что я уроню ребенка? Было довольно темно. Свет из подъемного окна не мог осветить площадку. Это был уже третий ключ и третья дверь, которую она открывала. На сей раз выключатель сработал. Я очутился в вестибюле, окрашенном в белый цвет. Прямо напротив входа находилась двустворчатая дверь в салон. Туда она меня и повела. От чередования дверей казалось, что мы в лабиринте. Почему мне было так страшно? Что могло быть безопаснее, чем молодая женщина и ребенок? Какое еще зрелище действует столь успокаивающе? Комната, окрашенная в белый цвет, была небольшой, и новогодняя елка занимала в ней много места. Сколько волшебных елок повстречал я на своем пути в этот день? Целый новогодний лес! Эта елка была украшена настоящими свечками, которые придавали ей более сказочный вид, чем остальным гирлянды электрических лампочек. Скромные игрушки висели на ветках.— Из-за этого дерева нам пришлось вынести кое-какую мебель, — объяснила женщина. — В лесу она, наверное, казалась совсем маленькой, но здесь!.. В комнате стояли кожаный диван, одно кресло, бар на колесиках и низкий столик с проигрывателем.— Присаживайтесь, выпейте что-нибудь, я пойду уложу Люсьенну. Это займет всего несколько минут, — предложила она. И вдруг:— А вы любите Вагнера? Она включила проигрыватель, настроила и только потом взяла из моих рук ребенка. Казалось, она ждала чего-то.— Так что вы хотели бы выпить? — спросила она.— Это зависит от того, что вы можете мне предложить, — пошутил я. В первый раз после знакомства с ней я не производил впечатление голодного волка.— О! Есть всего понемногу: коньяк, виски, шерри...— Тогда я выпью коньяку. Вся внимание, она приблизилась ко мне. Почему ей так хотелось, чтобы я выпил чего-нибудь? Я не люблю обслуживать себя, эту плохую привычку я приобрел, живя с мамой. Дома она всегда

всех, обслуживала, а когда у нас бывали гости, с решительным видом ухаживала за каждым.— Коньяк слева, в толстой бутылке...Я взял бутылку и перевернул пузатую рюмку, которая стояла ножкой кверху на белой салфетке. Я плеснул себе немного коньяку.Она улыбнулась мне.— Вы извините?— Конечно, пожалуйста.Она вышла и закрыла за собой дверь. Я расстегнул пуговицы на пальто и для приличия сделал несколько шагов по комнате, потом к елке и стал ее рассматривать. Какой странный вечер. Я не знал, куда меня заведет это приключение, но в том, что это было приключение, я был уверен.Когда я сунул руку в карман, пальцы нащупали картонную коробку, мою сегодняшнюю новогоднюю покупку. И тогда у меня появилась хорошая идея — повесить на елку серебряную клетку с желто-голубой птичкой. Я был счастлив! Господь благоволил ко мне в эту рождественскую ночь. Да, одно то, что я распаковал коробку и повесил на ветку вещицу, купленную на новогоднем базаре, доставило мне истинное удовольствие. Я отошел от елки на несколько шагов и стал рассматривать игрушку. Если бы даже я сделал ее собственными руками, я не испытал бы большей гордости.Она раскачивалась, осыпая серебряную пыль, словно танцую на конце ветки. И птица тоже раскачивалась на качелях внутри клетки. Это на свое детство смотрел я с нескрываемым восхищением.Я смял картонную коробку и сунул в карман. Мой подарок рождественской елке должен был оставаться тайной. Пусть будет некий оттенок сюрреализма. Может статься, что хозяйка и ее дочь не заметят клетки, а может обнаружат и начнут теряться в догадках. Бросив пальто на диван, я взял в руки рюмку с коньяком. Очень долго я не пил коньяк, а этот был отменного качества. После первого же глотка я почувствовал эйфорию. Глоток счастья, а что?Хозяйка вернулась четверть часа спустя. Меня удивило, что она по-прежнему в каракулевом манто. Она поймала мой взгляд, и, кажется, поняла его.— Бедная крошка, ей так хотелось спать, — объяснила она, раздеваясь.Затем она подошла к бару на колесиках.— Ну, посмотрим, что бы мне выпить? Каунтро или шерри?Из-за музыки ей приходилось повышать голос. Я смотрел на нее с

восхищением, мне нравились ее грация и непринужденность. Ее движения, простые и выразительные, не были нисколько наигранными. Наблюдать, как она передвигается по комнате, наливает себе в стакан шерри, поднимает его как бы с молчаливым тостом, смачивает губы рубиновой жидкостью, мне было интереснее, чем смотреть самый лучший спектакль. У меня горели плечи от того, что я долго нес ребенка, я опустил руки, чтобы немного расслабиться. Она подошла к проигрывателю и уменьшила звук.— Вы живете в этом квартале?— Да, мадам. Но шесть лет назад я уехал отсюда и только сегодня после обеда вернулся.— Это очень трогательно, особенно в рождественский вечер. У нее был спокойный голос, слегка глухой. Голос, который прекрасно подходил к ее размеренным жестам.— Вы специально вернулись на Рождество?— Нет, так получилось.— Вы были далеко?— Далеко... да. Диск кончился. Она выключила проигрыватель, и воцарилась тишина. Чувствуя, что я недоговариваю, она опасалась меня спрашивать. И все же мне хотелось, чтобы она задавала вопросы. Я был согласен говорить при условии что кто-то возьмет на себя инициативу, меня нужно подтолкнуть.— Может быть, вас ждут?— Нет, мадам. Я одинок, так же, как и вы. Вы ведь это почувствовали? Она отвела взгляд.— Это правда. Затем после небольшого раздумья:— Я хотела бы...— Что вы хотели?— Я бы хотела развеять ту двусмысленность... которая могла появиться... из-за моего поведения... Ей было тяжело объясняться и, казалось, ужасно неловко.— Какая двусмысленность?— Если какой-нибудь господин садится в кинотеатре рядом с женщиной и берет руку дамы, то он может вообразить, что ему досталась легкая добыча. Я покачал головой.— Мне было нелегко взять вашу руку, как и вам позволить это. Она сделала небольшой деликатный глоток шерри.— Я думаю, вы не поверите мне, но подобное происходит со мной впервые.— Почему бы мне не поверить вам, особенно в эту рождественскую ночь? Она улыбнулась мне удивительно нежной улыбкой.— Спасибо. Мне было приятно, что вы взяли меня за руку... Мне было так тоскливо:— И мне тоже. Еще как!— Хотите, расскажите мне.— О!

Моя драма совершенно личная. Один раз рассказанная, она потеряет свою остроту и таинственность. Понимаете?— И все же попробуйте.— Семь лет назад, когда я только получил диплом инженера и нашел прекрасное место, со мной случилось несчастье.— Какое?— Я влюбился.— Но это могло быть и большим счастьем, не так ли?— Тогда и я так думал. И действительно, поначалу оно так и было. Только она была замужем, и ее муж был моим патроном... Мы убежали. Я все бросил — свою старую мать, которая надрывалась, чтобы я имел возможность получить образование, свое положение — все.— А что произошло потом?В течение долгих лет я ни с кем не говорил об Анне. Картины, казалось, навсегда вычеркнутые из памяти, вставали передо мной: я видел Анну в нашей кровати в гостинице, одна грудь ее обнажилась из-под съехавшей с плеча ночной рубашки. Анну на берегу моря с развевающимися на ветру волосами. Анна смеющаяся!Анна плачущая! Анна мертвая!— Она умерла!— О! Это, должно быть, ужасно.— Ужасно. После этого я... уехал.— Я понимаю вас.— В мое отсутствие умерла мать. Сейчас мир для меня превратился в кладбище без крестов. Он полон могил и призраков.Сегодня я вернулся в этот разграбленный мир. Я отыскал нашу маленькую квартирку в двух шагах отсюда. Вместо рождественской елки там была самшитовая веточка в стакане с высохшей святой водой. Я не мог этого выдержать и ушел. Я встретил вас в ресторане, Для меня вы олицетворяете жизнь.— Это прекрасно, то, что вы говорите.Я протянул ей руку, и она вложила в нее свою. Это было уже не боязливое пожатие, как там, в темноте кинотеатра, не тайное прикосновение или украденная ласка, а искренний жест солидарности двух существ.— Расскажите мне о себе, раз уж мы говорим...— Я представляю другую сторону.— То есть?— Сторону того господина, у которого вы отобрали жену.Она замолчала. Я хотел узнать, но боялся торопить ее.Некоторое время она смотрела на мою руку. Мне было стыдно, потому что мои руки уже не выглядели руками интеллектуала.— Для меня тоже все началось семь лет назад. Я училась в Академии

художеств, хотела стать художником-декоратором в кино. Я встретила человека, который должен был стать моим мужем. Он был очень красивым, богатым, и у него был автомобиль, который производил на меня большое впечатление. Сегодня девушки часто выходят замуж за автомобиль, это болезнь века! Мне казалось, что на его «ягуаре» мы въедем в рай. Когда он предложил мне выйти за него замуж, я не просто сказала, я закричала «да»! Его родители были против, потому что я небогата. Мой отец — в прошлом офицер, и когда Драве узнали, что на свадьбу он придет в форме, они уступили: «Полковник на свадьбе — это всегда очень прилично». Она опять замолчала, словно в ожидании воспоминаний. Тогда на меня снова нашло, как там, в кинотеатре: мне захотелось сказать ей, что я люблю ее. — Раз уж сегодня Рождество, я могу сказать вам, что люблю вас? — Да! Конечно, можете. Можете! Мне так давно не говорили этих слов. — Продолжайте. — Моя история вам интересна? — Это не история. — Да, — прошептала она. — Это даже не история. Так вот, я вышла замуж за этого человека. Родители построили ему маленький переплетный заводик. Родилась Люсьенна... — Для вас это тоже могло быть счастьем, разве не так? — Могло быть, только в жизни всегда случается что-то, что все разрушает. Вы полюбили жену своего патрона. — А вы? — Случилось так, что Люсьенна родилась через шесть месяцев после нашей свадьбы и семь — после моей первой встречи с Жеромом. Это был самый прекрасный ребенок, когда-либо родившийся, не похожий на остальных. Словно инкубаторский... — добавила она с горьким юмором. Ее история оказалась столь же классической, но только гораздо менее романтической. Она тяжело вздохнула. — В обществе с такими вещами не шутят! — Развод? — В католических кругах не разводятся. — А вы... гм... не предупредили жениха, что ждете... — Нет, я не... Ну как мне объяснить вам все эти мерзости?! Ничего я уже не ждала. До Жерома было несколько... О! Будем терпимы: несколько историй. Я же говорю вам, что все это мерзко. — А дальше? — Дальше драма — разрыв с семьей, а затем — неприязнь. Слово, так быстро найденное моим мужем.

Поначалу он заводил любовниц. Потом у него осталась только одна, и моя жизнь превратилась в Голгофу. Практически я его больше не вижу. Он приходит сюда только по делам. Если поднимается к нам, то лишь затем, чтобы дать Люсьенне пощечину. Со мной ведет себя как с проституткой. Она плеснула в мой стакан довольно много коньяка, себе налила шерри.— Странная рождественская ночь, не правда ли? — продолжила она. — Мы встретились лишь час назад, я не знаю, как вас зовут, а вы знаете лишь имя моего мужа, и между тем мы рассказали друг другу всю жизнь.— Извините меня, мадам. Меня зовут... Она быстро протянула ладонь к моим губам:— Нет, я прошу вас, не называйте себя. Так гораздо лучше. У нас есть еще время... Сейчас я хочу попросить вас об одной услуге...— Все, что вы пожелаете.— Пойдемте куда-нибудь! Девочка спит, и, как всегда, крепко. Я могу позволить себе оставить ее одну на час другой. Мне так хотелось бы прогуляться под руку с каким-нибудь мужчиной.— С каким-нибудь мужчиной? — выдохнул я. Последовал взрыв эмоций.— О, мой Бог! Да это же вопрос ревнивца! Вот видите, может быть, сейчас мне именно этого больше всего и не хватает: ревности. Она хотела добавить «какого-нибудь мужчины», но вовремя остановилась и рассмеялась.— Вы идете? Она взяла мой стакан, который я поставил на камин, и переставила на нижнюю полку бара. Я подумал, что, наверное, эта женщина педантична. Она выключила свет сначала в салоне, затем и в вестибюле. Вновь была темная площадка лестницы.— Уже два дня, как перегорела лампочка, — сказала она. Она взяла меня за руку и открыла дверь грузового лифта. Пока мы спускались вниз, она не выпускала мою руку. Мне очень нравилось это странное ощущение поглощения в опускающемся лифте. Улицы затихли. Небо было светлым, и благодаря морозу ночь сияла, словно полированный металл. В магазинах потушили свет. Иногда празднующие группами выходили на перекресток, надрывно хохоча. Я и она — мы шли под руку короткими нервными шагами по пустынным улицам, которые сейчас казались огромными. Светящийся циферблат часов на одном из перекрестков показывал без

двадцати двенадцать. Мы прошли мимо пьяного нищего, который попросил у меня денег.— Скажите, а вы верите в то, что рождественская ночь отличается от всех остальных? — спросила она.— Конечно, потому что люди однажды решили, что так должно быть.— Вы не верите в это?— Это зависит от того дня, в котором я живу. Я полная противоположность другим: когда я счастлив — я верю.— А сейчас вы верите?— Да. Она сжала мою руку. Я чувствовал, как ее женское тепло передается мне. С тех пор, как мы шли вот так, соприкасаясь бедрами, мне страстно хотелось овладеть этой женщиной. Иногда я чувствовал, как она вздрагивает.— Вам холодно?— Немного.— Если хотите, давайте зайдём в бар?— Мне не хочется видеть людей...Вдруг меня поразило все происходящее. Мысленно я вознесся и представил свой квартал макетом. У этой женщины была своя квартира со спальней внутри девочкой, у меня — своя, мрачная и унылая... И эти холодные улицы, по которым мы шли как сомнамбулы.Внезапно она остановилась.— Мне бы хотелось, чтобы вы отвели меня к себе! Я даже не успел удивиться.— Я не смею.— Почему?— Это мрачное место, и к тому же там давно никто не живет.— Какая разница. Я хотела бы понять.— Понять?— Вам это неприятно?— Мне просто неловко, но если вы так хотите...И мы пошли по моей улице. Она была очень заурядной и освещена гораздо хуже, чем соседние улицы. Вдоль противоположного тротуара, словно направляясь куда-то, бежал пес. Иногда он останавливался с серьезным видом, чтобы обнюхать стену.— Ну вот, — сказал я, останавливаясь у своего дома.Облупившийся фасад напоминал плохо заживший ожог. Дверь была открыта, и коварный сквозняк выносил из парадного отвратительные запахи. Я стал на ощупь искать выключатель. За время долгого отсутствия я потерял автоматизм, выработанный за двадцать лет.— Нет, не надо включать, — попросила она. — Так гораздо таинственнее.Мы поднялись по деревянной лестнице, покрытой ковриком лишь до второго этажа. В середине коврик совершенно протерся. Дальше мы затопали по деревянным ступенькам, и каждый шаг гулко отдавался. Поручни слегка прилипали к рукам, и я

стыдился этого, как и резкого запаха одеколона, от которого щипало в носу. Раньше, когда мне приходилось открывать дверь в темноте, я с безукоризненной точностью попадал ключом в замок с первого раза. Но в этот вечер мне понадобилось по меньшей мере минуты две. Желтая люстра освещала вестибюль. Она висела на плетеном шнуре, на конце которого были любимые пауками кисточки. Обои сильно попортились от влаги. — Никто не ухаживал за вашей квартирой после смерти матери? — Нет, консьержка, но, как видите, очень плохо. Я проводил ее в гостиную. — Осколки жизни, — пошутил я, показывая на бедную мебель, на медное кашпо, вышитые скатерти, сетчатые шторы, абажуры, отделанные четками, омерзительные лубочные картинки. Она ничего не ответила. Я указал ей на овальный стол, на котором возвышалась бронзовая статуя — гордость моей матери: атлет с буграми мускулов пытался поставить на место колесо телеги. Это колесо было просто смешным, и атлет тоже был смешон, потому что слишком усердствовал. — Ну вот, — начал я, — за этим столом я делал уроки, потому что обычно мы ели на кухне. В течение долгих летя считал это все хорошим тоном. А потом, когда прозрел, мне стало стыдно, но все равно я любил эту обстановку — только здесь я чувствовал себя в безопасности. У нее на глазах выступили слезы. Я провел ее в комнату, где умерла моя мать. Мне нечего было объяснять, она поняла все сама. Она долго рассматривала это скорбное помещение, в котором я безуспешно пытался обнаружить тень родного мне человека. Потом она потащила меня в мою комнату. — Вы будете и дальше жить здесь? — Не знаю. — У вас нет никаких планов? — Я думаю уехать отсюда. Только сначала хочу попробовать пожить тут немного. Это из-за мамы, понимаете? Она умерла здесь в мое отсутствие совсем одна. И теперь я хочу пожить в одиночестве, отдавая ей последний долг. Мой голос сломался, а я думал, что он окреп навсегда. Я прислонился лбом к стене и со всей силой прижал кулаки к глазам. За стеной у соседа радио играло «Вновь увидеть Сорренто». Женщина положила руки мне на

плечи, и прижалась головой к моей голове.— И все же, скажите мне, как вас зовут, — прошептала она.

3. ПРОГУЛКА

Она села на мою кровать и повторила вполголоса: «Альбер, Альбер...»Глядя на нее, сидящую в распахнутом мантио на моей постели, я подумал, что она первая женщина, которая проникла в мою комнату; кажется, я покраснел.— Вы странным образом похожи на женщину, которую я любил.— Правда?— Может быть, неприлично с моей стороны говорить вам сейчас об этом.Она сделала жест, словно говоря — какое это имеет значение.— Какая она была? — спросила мадам Драве.— Я же говорю — такая, как вы, вот только, может быть, немного выше ростом и волосы светлее. У нее был такой же овал лица, такие же напряженные и задумчивые глаза.— Вы обратили на меня внимание из-за того, что я на нее похожа?— Нет.— Вы все еще любите ее?Вопрос смутил меня. После смерти Анны я никогда не думал об этом.— Каким бы сильным ни было чувство к умершему человеку, его нельзя назвать любовью.Я опустился на колени, на жалкий невзрачный коврик, и обхватил ее ноги своими горячими руками, а ее длинная изящная рука потянулась к моему лицу с нежной грустной лаской.— Вы на всю свою жизнь останетесь маленьким диким мальчишкой, Альбер!— Почему?— Не знаю, мне так кажется.Я взял ее руку и поднес к губам. У нее была нежная, шелковистая и удивительно теплая кожа.— Самая красивая рука на свете, — пробормотал я. Улыбка скользнула по ее лицу.— Мне очень нравится, что вы это заметили. Обычно мужчина не говорит женщине о ее руках.В эту секунду она обнаружила на краю своего рукава два маленьких красных пятнышка в форме звездочек. Они были, довольно далеко друг от друга, и действительно крошечные, но выделялись на светлом материале.— Что это еще за пятна? — прошептала она, поняв, что я тоже заметил их. Я засмеялся.— Разве можно назвать пятнами булабочные головки?Мой веселый тон не успокоил ее нисколько. Она очень огорчилась.

Оказывается, было достаточно такого пустяка, чтобы все испортить. Я с горечью понял, что все оборвалось. Всего несколько секунд назад мы словно находились в другом мире, эта женщина уже принадлежала мне. Все, что мы говорили друг другу, все, что мы делали, то, как мы молчали, — вело нас к логическому концу. И вот все кончилось. Мы снова оказались такими, как прежде: растерянными и одинокими, бесконечно одинокими в самом сердце этого странного Рождества.— Мне нужно немного воды. Попробую замыть эти пятна.В нашей квартире не было ванной. В течение двадцати лет я совершал туалет у раковины. Я отвел ее на кухню, но вода была перекрыта, хотя я написал консьержке, что буду оплачивать все услуги. Когда я повернул кран, из него не вытекло и капли воды. Кажется, моя спутница расстроилась еще больше.— Пойдемте, — вздохнул я. — Пойдемте в какой-нибудь бар.И вот мы вышли. Глядя, как она перешагивает порог моего дома, я подумал, что, продлись молчание еще минуту, я бы обнял ее. Я испытывал болезненную удрученность, мое тело заныло от громадного сожаления.Сколько раз, лежа в своей мальчишеской кровати, я мечтал о том, что сжимаю в объятиях женщину. Каждый раз иную. Они походили на тех, что я встречал в течение дня: улыбнувшаяся продавщица; шикарная дама, за которой я тайком подсматривал, когда она выходила из машины, или актриса с обложки журнала.Годы спустя моя мечта сбылась, и реальность была прекрасней...— Вы подавлены? — заметила она, когда мы вновь пустились в странствия по пустынным улочкам.— Да, немного.— Почему, Альбер?— Прошу вас, не называйте меня Альбером.— Я не умею произносить ваше имя?— Нет.Я не был груб, просто старался быть откровенным.— Для того чтобы произнести имя мужчины, нужно любить его.— Можно подумать, вы сердитесь на меня?— Это правда.— Почему?— Я считаю несправедливым то, что вы не разделяете мои чувства.— Кто вам сказал, что не разделяю?— Я знаю. Страсть, настоящая, доступна только мужчине. У женщины слишком ясный ум, чтобы в считанные минуты достигнуть вершин любви.Она остановилась.—

Поцелуйте меня, — попросила она. Это был почти приказ, в ее голосе слышалась решимость. Я обнял ее за талию и прижался губами к ее губам. Поцелуй окончательно лишил меня разума. Когда наши уста разъединились, мы зашагали быстро, очень быстро, как люди, которым страшно. — Вы хотели... только что, в вашей комнате... да? — Да. — И вы на меня немного сердитесь? — Теперь нет. Так даже лучше. Она пожалала плечами. — Естественно, так лучше. Нужно быть женщиной, чтобы думать иначе. Мы как раз проходили мимо переполненного кафе. Мы зашли туда и остались стоять у стойки, потому что все столики были заняты. Кто-то похрапывал, празднично одетые молодые люди в клоунских колпаках подыгрывали на дудке играющей пластинке. В глубине помещения на четырех столиках играли в карты. И это было Рождество! С ума сойти! — Вы меня извините, на секунду? Лавируя между людьми, она направилась к туалету. Я заказал очень крепкий кофе и в ожидании наблюдал за музыкальным автоматом, который переливался огнями. Пластинка вращалась словно жернова мельницы, а головка была похожа на рычаг. — Ну вот, с неприятностью покончено! Она показала мне кончик своего влажного рукава. — Что это было? — Капли воска от свечи. Это заявление неприятно удивило меня. Я видел пятна и хорошо знал, что это не воск. — Что вы будете пить? — Ничего. Мне нужно вернуться домой. Не забывайте, у меня там дочка одна. * * * Сооружения Драве в лунном свете напоминали строения из кубиков. Сажа и копоть, овладевшие всем кварталом, еще не успели покрыть стены, и белая штукатурка четко выделялась в эту декабрьскую ночь. — Ну вот, — вздохнула мадам Драве, — мы сейчас расстанемся. Который час? Я посмотрел на часы. — Без четверти двенадцать. — Через пятнадцать минут Божий сын родится еще один раз. Как вы думаете, он искупит однажды все грехи мира? Мне вдруг стало смертельно скучно. — Мне плевать на все грехи мира, мадам Драве. Мне плевать на весь этот мир. Все, что сейчас меня интересует, это вы. Мне плохо от одной только мысли, что мы с вами, может быть, больше не увидимся... — Мы увидимся. — В другой жизни? — проворчал я. — Не

будьте несправедливым! Не хотите ли выпить в последний раз перед этой вещью полночью? Не покидать ее! Видеть ее еще! Слышать ее еще! — Да! Да! Она открыла темные ворота. Я вновь очутился во дворе с грузовиками вдоль стен, с горами бумаги под стеклянным навесом, с запахом клея и картона. — Что он переплетает, ваш переплетчик? Книги? — Да. А еще обслуживает разные агентства. Когда мы вновь очутились в грузовом лифте, она неожиданно прижалась ко мне, и пока стальная клетка поднималась, она поцеловала меня так же страстно и горячо, как в первый раз. Лифт остановился, а мы продолжали дико сжимать друг друга в объятиях. Ее нога скользнула между моих ног, я крепко сжал ее. Теперь у нас был один рот, одно дыхание. — Пойдем, — сказала она, неожиданно отталкивая меня. Движение было настолько сильным, что я потерял равновесие. Она открыла дверь и повторила то, что сказав первый раз: — Осторожно, здесь ступенька.

4. ВТОРОЙ ВИЗИТ

Мы вошли к ней без шума, чтобы не разбудить спящего ребенка. Только когда мы были уже внутри, она закрыла за собой дверь и включила свет. И вот тогда она закричала. Точнее, это был не крик, а нечто напоминающее стон. — Что случилось? — взволнованно прошептал я. Ее глаза были прикованы к вешалке в вестибюле. На ней висело темно-серое пальто с велюровым воротником. Когда мы уходили, пальто не было. Это пальто наводило страх. Она старалась не дышать и прислушивалась, словно по тишине в квартире хотела определить, где опасность. Опасность была! Я чувствовал это с той уверенностью, которая убивает всякий страх. — Это пальто вашего мужа? — прошептал я. Она быстро кивнула головой. — Значит, он здесь? Я собирался еще что-то сказать, но она быстро закрыла мне рот ладонью. Она продолжала прислушиваться. Самым страшным было это пальто и абсолютная тишина в квартире. Я отстранил ее ладонь, но не выпустил из рук, будто старался придать женщине смелости. Я слышал, как громко стучит ее сердце. Я опять задал вопрос, делая

ударение на каждом слогe:— Он не должен был вернуться? Она отрицательно покачала головой.— Может быть, он переоделся и ушел? Пожатие плеч. Она колебалась.— Может быть, он лег спать? В тишине раздавался лишь мой свистящий шепот. Наверное, я был похож на немого. И еще — немые так шумят! Она снова отрицательно покачала головой. Казалось, женщину вывела из равновесия не столько опасность этого присутствия, сколько его дерзкий характер.— Вы хотите, чтобы я ушел? Предлагая ей это, я боялся сойти за труса. Персонаж, желающий быть галантным в подобной ситуации, выглядит довольно пошло, к тому же мне нисколько не хотелось спастись бегством. Я как раз был настроен побравировать перед ревнивым мужем. Энергия во мне искала выхода. Она колебалась и ничего не ответила. Я прекрасно понимал то неловкое положение, в котором она оказалась. Она не знала теперь, что делать дальше — бежать или, наоборот, противостоять. Потом она неожиданно решилась и спросила почти уверенно:— Ты здесь, Жером? Тишина! Острая тишина, которая вонзалась в наши натянутые нервы. Я пожал плечами:— Я же сказал, что он ушел. Увидев, что вас нет, он решил провести ночь в другом месте... На этот раз я уже не шептал. В знак согласия женщина опустила ресницы. В салоне не горел свет, значит, там никого не было. Она прошла по коридору, открывая по дороге все двери. Одна из них выходила в детскую, с нее она и начала. Я тоже заглянул и увидел малышку Люсьенну, спокойно спящую в кроватке из светлого дерева. На стене висел цветной плакат, изображающий Дональда Дака, на полу валялись игрушки. Дверь напротив детской вела в спальню. В комнате никого не было, постель не разбирали, там стояла португальская кровать с двумя колоннами в ногах и жутко заставленной полкой у изголовья.— Вот видите — никого нет! Для полной уверенности она заглянула в кухню и в гостиную. Никого нет! Она почувствовала себя спокойнее.— Не понимаю, почему он пришел ночью. Это так не вяжется с его привычками.— Может быть, он хотел пожелать вам счастливого Рождества?— Он? Видно, что вы его не знаете! Действительно здесь

какая-то тайна... Пойдемте выпьем, скоро полночь...Я обнял ее за талию.— Уже полночь. Я поднял палец. — Послушайте! Башенные часы медленно отбивали двенадцать ударов. Низкие звуки вибрировали в неподвижном ночном воздухе.— Поцелуй меня, — неожиданно попросила она. —Мне страшно!Я снова обнял ее.— Сильнее! Сильнее! Мне страшно...Она была крайне возбуждена и прижималась ко мне с такой страстью, что мне стало не по себе.— Ну-ну, успокойтесь. Чего вы боитесь? Я здесь...Она открыла стеклянные двери салона и зажгла свет.Сцена была ужасной. На диване, который я занимал во время первого визита, лежал мужчина. Его ноги были на подушках, а головой он прижимался к подлокотнику. На нем был темно-синий костюм. Левая рука покоилась вдоль тела, а правая, неестественно выгнутая, находилась между его щекой и спинкой дивана. Часть черепа у него вообще отсутствовала, то, что было между правым виском и затылком, превратилось в кровавую кашу. Пуля прошла насквозь, а затем рикошетом ударила в потолок, оторвав большой кусок шпаклевки. У мертвого были закрыты глаза, а губы слегка приоткрыты, на одном из передних зубов блестела золотая коронка.Женщина молчала. Она походила на тонкое подрубленное дерево, которое вот-вот упадет. Я быстро схватил ее за плечи и вытащил в коридор. Она была смертельно бледна, подбородок у нее дрожал.Она уставилась на висящее на вешалке пальто, как на труп.— Это ваш муж? — спросил я наконец едва слышно.— Да.Издалека доносилась песня, мелодия возникала, словно ветер, из бесконечности, сначала отрывками, а потом разрастаясь.Я вернулся в маленький салон. Труп рядом с рождественской елкой; казался галлюцинацией. Мсье Драве было лет тридцать довольно благородные черты лица, слегка выпуклый квадратный подбородок волевого человека.Очень осторожно я обошел диван. Я не собирался ни до чего дотрагиваться, просто искал какое-нибудь письмо или записку, объясняющие причину его самоубийства. Ничего такого не было.Может быть, найдут позже в одежде...Легкий шум заставил меня обернуться. Я увидел ее в проеме двери, она прижалась к косяку и смотрела на своего

мертвого мужа скорее с изумлением, чем испуганно. Она не понимала.— Он что, действительно мертв? — спросила она.— Да. Вопрос был просто лишним. Когда у человека в голове дыра наподобие такой, он не может быть живым. И как только ему пришла мысль застрелиться рядом с этой веселой елкой, олицетворяющей жизнь? Столик с напитками по-прежнему находился перед диваном, на нем стояли рядом наши рюмки, в одной оставалось еще немного шерри, в другой — коньяку.— Это ужасно, — прошептала мадам Драве, приблизившись к мертвому.— Не дотрагивайтесь! — посоветовал я. — Это очень важно.— О! Да!.. Из-за полиции?— Да, именно из-за полиции. При самоубийстве малейшая деталь имеет значение...— Самоубийство?— Он выстрелил себе в голову — это очевидно. Казалось, она не верит. Мы растерялись... Мы знали, что надо принять какие-то меры, но не могли действовать осмысленно. Я спрашивал себя, что она чувствует. Испытывает ли она грусть? Я должен был задать ей этот вопрос, но в комнате лежал мертвец...— Нужно позвонить в полицию?— Конечно! Но она не пошевелилась. Она смотрела на рану на голове убитого. Все произошло очень быстро — часы продолжали отбивать полночь. Мгновения кошмара! Мечтаешь о фантастических приключениях, бьешься в сетях бесчисленных неприятностей, но не успеешь и глазом моргнуть, как все кончилось. Но только не для нас с мадам Драве. Труп оставался трупом, и мы все еще смотрели на него, улавливая, казалось, легкое подрагивание повалившегося на бок тела. Мы застыли, словно ожидая конца кошмара, но это была реальность во всей своей красе. Наконец мадам Драве очнулась и быстро вышла из комнаты. Я слышал, как она идет по коридору. Через некоторое время раздался звук вращающегося телефонного диска. И тут я ужаснулся! И как это раньше я не подумал! Как сумасшедший, я бросился вон из салона. Она была в спальне, сидела на пуфе с телефоном на коленях и как раз заканчивала набирать номер, когда я вырвал телефон у нее из рук. Трубка отлетела к туалетному столику и разбила один из флаконов с духами. Сладкий запах туберозы

мгновенно распространился по комнате. Женщина была шокирована.— Что вы делаете?!— Подождите секунду. То, что мне предстояло ей сказать, было трудно произнести.— Но я должна позвонить!— запротестовала она.— Да, это необходимо. Только ничего не говорите обо мне полицейским! Я не могу быть замешан в историю подобного рода. Она была очень подавлена, но не растерянна. Я заметил, как в ее взгляде полыхнуло пламя презрения. Она решила, что я охотник за юбками, испугавшийся первых же трудностей.— Я знаю, о чем вы думаете, но вы ошибаетесь. Я прошу вас в ваших же интересах. Мое присутствие у вас в эту ночь может все испортить. Я не могу быть свидетелем! Она едва дышала. Рот ее был слегка приоткрыт, глаза расширились, казалось, она сейчас упадет в обморок. Состояние протрации, в которое она впала, вызвало у меня тревогу.— Вам плохо?— Нет. Говорите!— В начале вечера я рассказал вам свою историю. Но не до конца... потому что это трудно рассказать... Я снова замолчал. На грани истерики она закричала:— Да говорите же! Вы же видите, что я больше не могу!— Та женщина, с которой я бежал... Через три месяца она охладела ко мне и захотела уйти. И тогда я... я убил ее. В состоянии аффекта, так по крайней мере определил адвокат. Меня судили в Эан-Прованс и дали десять лет... Вчера меня освободили из тюрьмы Бомэтт в Марселе. Досрочно. Я выложил все это на одном дыхании, не глядя на нее. Взгляд мой был прикован к перевернутому телефону. Он был похож на мертвое животное. Я поднял его и положил трубку на место.— Я преступник, мадам Драве. Если полиция узнает, что мы провели вместе часть ночи, то они могут не поверить в самоубийство вашего мужа. Вы понимаете? Теперь-то я хорошо знаю полицейских, они всегда предполагают самое худшее! Она обхватила голову руками.— И все же, — прошептала она, — они не могут нас заподозрить. Мы были вместе. Мы же не расставались!— А кто это докажет? Вы и я. Если полиция решит, что мы сговорились, нам не оправдаться. Доверяй, но проверяй. А я уже один раз убил человека, понимаете? Она бросила на меня испуганный взгляд и шарахнулась было в

сторону. Эта женщина наконец поняла, что я убийца и почувствовала то, что обычно ощущают в подобном случае, — страх, смешанный с брезгливостью. — Уходите. — Хорошо, мадам... — Сейчас же убирайтесь отсюда! — сказала она резко. — И все же, может быть, нам следует договориться о... — Нет! Я вас не знаю! Как только вы выйдете отсюда, вы забудете обо мне, словно никогда и не видели! Вы меня поняли? — Как хотите. Только полиция... — Я сама займусь ею! Убирайтесь вон! В замешательстве от ее злобного взгляда, я попятился из комнаты. В течение двух или трех часов, что мы провели вместе, она казалась мне слабой и растерянной. И вот, превратившись в противника, она стала удивительно решительной, она уже не вела себя, как жертва. Во всем ее хрупком существе появилась такая безжалостность, что мне стало даже больно. Я не мог представить себе нежное личико той, которую обнимал. Нет, теперь это была другая женщина. Очутившись вновь в вестибюле, я опомнился. Рядом был мертвый мужчина, а я находился в его доме без всяких объяснимых причин. И я только что вышел из тюрьмы! Мне казалось, что вся эта квартира уставлена волчьими капканами. Я уже собирался выйти, но вспомнил о своей рюмке с коньяком в пятидесяти сантиметрах от трупа. На ней, наверное, остались великолепные отпечатки пальцев. Я вошел в салон, чтобы вытереть рюмку платком. Я также обтер и горлышко пузатой бутылки из-под коньяка, и края столика на колесиках и мрамор камина. Затем я протер ручку двери в салон. Когда я убирал платок в карман, пальцы нащупали смятую коробку из-под елочной игрушки. Чуть было не забыл! Сомневаюсь, что с такой шероховатой поверхности можно снять отпечатки пальцев, но лучше ничего не оставлять после себя. Я подошел к елке, протянул руку, чтобы снять маленькую серебряную клетку, да так и застыл, словно парализованный: клетка с велюровой птичкой исчезла. Я раздвинул ветки, заглянул под елку, надеясь, что игрушка просто упала. Но я искал напрасно — ее нигде не было. Кто-то убрал ее! Я услышал шаги мадам Драве в вестибюле. — Вы еще здесь? — удивилась она. Она окинула меня

подозрительным взглядом, посмотрела на мои руки, затем на труп своего мужа, размышляя, дотронулся ли я до чего-нибудь. Она все больше становилась похожа на Анну. У нее был такой же пустой взгляд, как у Анны, когда та сообщила мне, что для нас двоих все кончено и она хочет вернуться к мужу. И все же мне захотелось обнять ее, сказать что-нибудь успокаивающее. — Извините, мадам, я ухожу. Она открыла мне дверь на площадку и, кажется, прошептала «прощайте», но я в этом не уверен.

5. ДОБРЫЙ СОВЕТ

Дверь резко закрылась за мной, и я оказался в полной темноте. Снизу доходил резкий запах клея для бумаг. Я зажег спичку, чтобы как-то сориентироваться. Слева была лестница, а прямо передо мной находился грузовой лифт. Я вошел в стальную кабину. Вытянутая в длину, она напоминала лифты в больницах для перевозки лежачих больны. Я стал искать табло. Пламя спички уже лизало пальцы когда я заметил две кнопки — красную и черную. Красная была ниже — я нажал на нее. Содрогнувшись, словно от электрического разряда, кабина двинулась вниз. Я разжал пальцы, спичка упала на пол, валявшийся рядом кусок серпантина тоже загорелся, и я раздавил его каблуком. Слабое освещение исчезло. Увидев два грузовика во дворе, я подумал об автомобиле Драве. Не вернулся же он домой пешком? Я напрасно оглядывался вокруг — машины не было. Не было ее и на улице. Может быть, кто-нибудь подвез его? И этот кто-то унес с собой мою маленькую картонную клетку, припудренную серебряными блестками. Исчезновение этой клетки волновало меня не меньше, чем смерть переплетчика. Я сделал несколько шагов, со злостью засунув руки в карманы пальто. Я был зол на этот мир за его безжалостность. После шести лет мучительного томления в тюрьме после угрызений совести, которые я испытал, после бессонниц, более жестоких, чем любой кошмар, я вновь оказываюсь среди крови, в самом центре драмы. Смерть Анны не вылечила меня от отчаяния, я продолжал агонизировать. За эти шесть лет я забылся всего лишь на два часа,

встретив мадам Драве. Два часа — это слишком мало. Я должен был бежать из этого квартала, бежать как можно дальше, продираясь сквозь костер полыхавшего вокруг общего веселья. Но какая-то тайная сила продолжала удерживать меня рядом с этим домом. Я никак не мог принять ситуацию такой, как она была, я никак не мог согласиться оставить между спящей маленькой девочкой и трупом мужчины женщину, которой был обязан, может быть, самыми прекрасными мгновениями своей жизни. Между нами не было ничего, кроме двух поцелуев; оба прекрасно знали, что для нас не существует «завтра», но поцелуи соединили нас сильнее клятвы, крепче, чем самые страстные объятия, надежные формальные узы. Она выставила меня на улицу. У нее были жестокие глаза женщины, которая не прощает обиды. Я оскорбил ее тем, что не мог помочь. Она поняла, что я должен исчезнуть, поняла, но не приняла. На другой стороне улицы располагалась стройка, окруженная полисадником. В центре бывшего пустыря возвышались гигантские подъемные краны и пирамиды различных материалов. Возле полисадника находилось стеклянное строение автобусной остановки. Я скользнул в это укрытие и прежде чем сесть на каменную скамейку, поднял воротник пальто. Я хотел дождаться дальнейшего развития событий. А вдруг я еще понадобится ей. Не знаю как, но я это чувствовал. Вот-вот должна прибыть полиция. Она будет обследовать место происшествия. Как мадам Драве выйдет из такого трудного положения? Ведь не может же она утверждать, что не слышала выстрела! С другой стороны, если она признается, что выходила, то полицейские спросят, где она была, а тут она ничего не может сказать... Если только... Да, именно так! Это хорошая идея! Я покинул свое убежище и побежал в ближайшее кафе. Не в то, где недавно мы были вместе, а в маленькое, вроде конуры бистро, которое было открыто в эту ночь. Внутри были только стойка и три столика, тесное помещение разделено на две части, во второй половине продавали пакеты с древесным углем и охапки дров. Хозяева и полдюжины завсегдатаев бодрствовали. На одном из столиков стояла

сковородка с кровяной колбасой, от которой шел приятный запах теплого масла. Гости слишком много выпили и не разговаривали. Они казались почти грустными. На меня посмотрели, как на чужака.— Телефон, пожалуйста! Хозяин, толстяк маленького роста с усами и жабьей кожей на носу, нехотя со вздохом поднялся. Он держал салфетку в руке.— Рядом в магазине. Уходя из ее дома, я случайно запомнил номер телефона Драве, написанный краской на воротах. Быстро, насколько можно, я попытался набрать номер, но среди утерянных мною навыков было и умение пользоваться телефоном; палец срывался и мне пришлось набирать несколько раз. Наконец мне это удалось, раздались гудки. Мой Бог! Только бы полиция еще не принялась за дело. Ритмичные гудки сводили с ума. Я уже собирался нажать на рычаг, как кто-то словно снизошел к моей мольбе, поднял трубку и стал ждать, не говоря ни слова, даже принятого «алло». В горле у меня пересохло. Никаких сомнений, это какой-нибудь инспектор. Я прекрасно знал манеры полицейских... От стремительных мыслей закружилась голова. Что делать? Ничего не говорить? Это покажется подозрительным. Сделать вид, что я ошибся номером? Но я чувствовал, что не способен на блеф. Я был уверен, что ляпну какую-нибудь глупость.— Это я, — пробормотал я жалобно. Ее голос прозвучал для меня лучше всякой музыки.— Я не сомневалась в этом. Что вы хотите?— Вы одна?— Да.— Вы предупредили...— Я жду полицию.— Я подумал... Мне кажется... В конце концов, чтобы объяснить свое отсутствие, вы можете сказать, что ходили на мессу в полночь...— Не беспокойтесь об этом. Я прошу вас больше не пытаться связаться со мной тем или иным образом. Она повесила трубку. Усатый ворчун перестал ковырять в зубах. Полуночники в зале старались вести беседу, но лыка уже не вязали.— Ожен, — позвала хозяйка. — У тебя все остынет.— Иду. Он погасил свет в магазине, даже не дожидаясь, пока я выйду. Гости пьяно смотрели на меня. Когда-то мы с матерью по-своему праздновали Рождество. Мы закрывались у себя дома, я ставил на мраморный столик для посуды старый крест с гипсовыми фигурами, местами отколотыми.

Наш ужин состоял из холодного цыпленка и бутылки шампанского. Так мы проводили вечер в колышущемся свете толстых свечей, которые иногда служили нам еще и на следующий год...— Выпьете что-нибудь? Я посмотрел на хозяина.— Запри двери после мсье, — бросила ему жена с полным ртом.— Марк.Он наполнил мне стакан размером чуть больше наперстка. Две красные капли в форме маленьких звездочек на оловянной поверхности стойки напомнили мне пятнышки на рукаве мадам Драве.Я вспомнил о том, с какой поспешностью она постаралась избавиться от них. Теперь я был уверен, что это была кровь.Мысль взволновала меня.Я заплатил и вышел, даже не выпив, и только на улице, уже отойдя, я вспомнил о маленьком стаканчике. Естественно, я вернулся на остановку, чтобы наблюдать за домом напротив. Около сооружений Драве не было никаких полицейских машин. Неужели у полиции столько срочных вызовов? Почему они задерживались? Более четверти часа прошло с тех пор, как я покинул квартиру.Когда я первый раз пришел к мадам Драве, неся на руках спящую девочку, у меня возникло мимолетное чувство тревоги. Мне показалось, что я перешагнул порог таинственного лабиринта и погружаюсь в темноту его переходов. Теперь это чувство вернулось ко мне и стало еще более отчетливым.Большие черные ворота со светлыми буквами напоминали обложку книги, которая могла бы рассказать темную историю одной семьи.Одинокая женщина с ребенком в рождественскую ночь, муж, который застрелился перед нарядной новогодней елкой.Две капли крови на рукаве.Картонная елочная игрушка, исчезнувшая с ветки...Да еще четвертый персонаж — Я, играющий такую важную роль.Роль свидетеля.Легкий скрежет заставил меня подпрыгнуть. Ворота ателье открывались. Мадам Драве в своем каракулевом мантио выходила, держа за руку маленькую дочь.

6. УЛОВКА

Она прикрыла за собой тяжелые ворота, не заперев их; затем посмотрела налево и направо, будто не зная, в какую сторону идти. В

действительности же, мне кажется, она искала меня, но инстинкт сработал, и я успел вжаться в угол своего стеклянного убежища. Она боялась столкнуться со мной. Отныне моя помощь должна быть незаметной. Разбуженная малышка тихонько хныкала, топя рядом с матерью. Куда они шли? Неожиданно я испугался, что мадам Драве приняла какое-нибудь роковое решение. А может, для нее это был единственный выход. Или она устала бороться и, предупредив полицию, решила покончить со всем? Когда я увидел перед собой мертвую Анну, мне тоже показалось, что моему существованию пришел конец. Я хотел оставить жизнь, уйти, как выпрыгивают из мчащегося автомобиля. Тогда я сжал зубами дуло револьвера. Я задохнулся от запаха пороха. До сих пор мне кажется, что лишь резкий приступ кашля помешал довести дело до конца. Два силуэта удалялись в холодную ночь. Они направлялись к центру. Далеко перед ними светлым нимбом висло над Парижем небо. Я позволил им уйти подальше, вышел из укрытия и последовал за ними. Они пересекли пустынную площадь, и, когда на краю эспланады неожиданно возникла церковь с освещенными витражами, я понял, что женщина решила воспользоваться моим советом. Она шла на рождественскую мессу. Вместо того, чтобы лгать полиции, она готовила ей правду. Это было большой хитростью. Когда я вошел в церковь, раздался звонок, и все встали. Церковь была переполнена, и мне пришлось остановиться у входа в толпе сосредоточенных людей. Все склонили головы. Я тоже попробовал было молиться, но не мог думать ни о чем, кроме этой женщины, затерянной среди молящихся. Только она что-то значила. Она начала рискованную игру, и я все сильнее хотел помочь ей. Воспользовавшись тем, что все застыли в религиозном экстазе, я оглянулся. Мадам Драве стояла в начале центрального прохода, она смотрела на алтарь и, казалось, молилась. О чем она думала? Испытывала ли страх перед опасностью, которая нависла над ней, или вспоминала о любви к Жерому Драве? О чем просила она Бога — о спасении тела или души? Раздались вибрирующие всеильные звуки главного органа. По присутствующим

прошла дрожь — задвигались потревоженные стулья, хористы запели громче, чтобы перекрыть топот ног. Некоторые уже покидали церковь, и мадам Драве пошла вдоль ряда в поисках свободного места. Она скользнула в один из проходов недалеко от хора и исчезла из моего поля зрения. Кажется, в этот момент и я должен был уйти. В небесном покое церкви чувствовал я, как тяжело давит на меня усталость этого дня и еще больше — усталость и переживания этой ночи. Мне нужна была сейчас хорошая комната в отеле, желательно окнами во двор. Ах! Упасть на кровать, закрыть глаза и забыться! Мою первую ночь свободы я провел в поезде, где не смог сомкнуть глаз. Ночник в купе напоминал мне тот, что был у меня в камере. Разве я не находился все еще в тюрьме? В тюрьме, которая передвигалась со скоростью сто километров в час, а рядом со мной лежали такие же обычные люди, как в училище Бомэнт! Церемония продолжалась в свете полыхающих свечей. Теперь все воспевали рождение Христа. Я был без сил. Я переминался с ноги на ногу, борясь с усталостью. Внезапно раздался шум опрокинутого стула, и почти одновременно плач ребенка. Предчувствие заставило меня посмотреть в сторону хора. Там возникло движение, затем небольшая группа людей стала приближаться к центральному проходу. Мне показалось, что меня ударили кулаком в грудь! Два неизвестных господина несли к выходу совершенно безжизненную мадам Драве, а какая-то женщина вела за руку маленькую Люсьенну всю в слезах. Когда кортеж поравнялся со мной, я подошел. Мне вдруг представилось, что женщина, прежде чем прийти сюда, отравилась. — Что с ней? — спросил я одного из мужчин. — Стало плохо. Мы вышли все вместе. На крыльце я посмотрел на мадам Драве, и заметил ее странный взгляд из-под длинных опущенных ресниц. Это был абсолютно сознательный, чрезвычайно внимательный взгляд. — Вы ее знаете? — спросила женщина. — Я... Видел несколько раз. Мы живем в одном квартале. — Надо отвезти ее домой, — решил один из мужчин. — Мсье, если вы будете так любезны и поддержите ее, я сбегаю за машиной. Она здесь, рядом. Мужчине, который остался со мной, было на

вид лет пятьдесят, и я сразу догадался, что женщина, которая в этот момент занималась Люсьенной, его жена. — Я не понял, что произошло, — сказал он. — Она сидела рядом со мной, потом поднесла руку ко лбу и повалилась вперед... Как вы думаете — это серьезно? Мадам Драве, бледная, с подрагивающими ноздрями, прекрасно играла свою роль. — А меня вот беспокоит крошка, — со знанием дела заметила женщина. Она погладила по щеке Люсьенну, которая теперь сопела, бестолково оглядываясь по сторонам. — В церкви малышка заснула, а мать, падая, разбудила ее... Я испугался, что ребенок узнает меня. Правда, она видела меня лишь мельком в ресторане. Мужчина скоро вернулся за рулем черной «403», которую, остановил у самых ступенек церкви. Он открыл заднюю дверцу и сделал знак рукой. Пока мы шли, поддерживая псевдобольную, она выдохнула тихо: — Не садитесь! Возле машины она шумно вздохнула и открыла глаза. — Вам лучше? — участливо спросила дама. — Что со мной? — Обморок. В церкви было так душно... Мы сидели в самом душном месте. — А моя дочь? — Она здесь. Вас сейчас проводят домой. — Спасибо, мадам. Муж прошептал, склонившись к шоферу: — Если ей стало лучше и этот господин поедет с вами. Наверное, у него впереди был рождественский ужин и его ждали друзья. — Естественно, — словно набивая себе цену, ответил автомобилист. — Счастливого Рождества, дамы и господа. Мужчина был постарше меня, наверное, лет сорока высокого роста, пышущий здоровьем. На нем было кожаное пальто и шерстяное кепи. Хороший парень — добряки, без сомнения, материалист! Мы усадили мадам Драве с девочкой на заднее сиденье. — В какую сторону? — спросил водитель. — В конце площади поверните налево. Перед тем как тронуться, он внимательно посмотрел на пассажирку. — Вам лучше? — Да, спасибо, — пробормотала она. Мое присутствие в автомобиле сводило ее с ума, я мог завалить весь ее план. — Подождите, я опущу вам стекло. Знаете, свежий воздух для вас — самое лучшее, — продолжал услужливый владелец машины. Я сидел, прижимая девочку к себе. Машина сделала круг, а затем ринулась в

нужном направлении.— Может быть, вы хотите, чтобы мы заехали к какому-нибудь доктору?— Не стоит. Спасибо, мсье, вы очень любезны. Он пожал плечами и прошептал удовлетворенно:— Вы так считаете...Когда мы очутились у темных ворот с франтоватыми буквами, к горлу мне словно подступила тошнота. Все начиналось с нуля.Женщина, наверное, испытывала нечто похожее. По какому праву я вновь влез в ее судьбу, из которой она меня выгнала?Мужчина в кожаном пальто покинул свое место у руля и обошел машину, чтобы помочь пассажирке выйти. В тот момент, когда он проходил в желтом свете фар, она сказала мне, не поворачивая головы:— Я прошу вас исчезнуть!Он открыл дверцу и протянул ей заботливо свою большую руку.— Выходите осторожнее. Ну как, сможете? Может быть, мы с мсье отнесем вас?— Нет-нет. Вот только если бы вы проводили меня до двери.— Конечно, а как же!И этот весельчак, здоровый тип, посмотрел на меня так игриво, что я задохнулся от злости.— Я поддерживаю ее, а вы займитесь машиной.Мадам Драве не могла удержаться от испепеляющего взгляда. В ее темных глазах было все: отчаяние, страх, и злость.Я вел себя так, словно не замечал этого. Решительно взял девочку на руки. Мы подошли к воротам.Все начиналось заново.

7. ТРЕТИЙ ВИЗИТ

Колокола возвестили о конце ночной службы. Их звон был веселым, но мне казался мрачным, потому что я знал, что меня ожидало. Я знал, что сейчас снова увижу мертвеца, и должен вести себя так, будто вижу его впервые. Какой дьявол-искуситель заставил меня вновь вернуться в это проклятое место и участвовать в этом опасном спектакле?Только недавно я стремился как можно скорее избавить этот дом от своей уважаемой персоны и дать мадам Драве свободу действий.А теперь наперекор всем опасностям просьбам женщины я вновь навязал ей свое присутствие. Мой разум взбунтовался. Еще было время придумать какой-нибудь предлог и уйти, но я продолжал решительно шагать через двор.— Ваш

муж переплетчик?— Да.— А я занимаюсь производством обоев. Можно сказать, что это похоже, не правда ли?Мы уже подошли. Вторая дверь — я продолжал двигаться вперед в лабиринте.— Здесь темно, как в печной трубе...— Перегорела лампа.— У меня есть зажигалка, постойте. Подождите, я вижу лестницу.— Нет необходимости, здесь есть лифт. Грузовой лифт.Она открыла дверь, и мы вошли в кабину, дверь захлопнулась с характерным лязгом. Мужчина в кожаном пальто спросил с сомнением в голосе:— У вас есть кто-нибудь дома?Этот банальный вопрос поразил меня. Я завидовал спокойному голосу этого человека, у него не было никаких предчувствий и опасений. Это было существо без всяких комплексов, не умеющее ловчить. Должно быть, он очень любил работу, удовольствия и ближнего своего.Я пожалел, что все происходило в темноте, мне бы очень хотелось понаблюдать за мадам Драве — хватит ли у нее сил сыграть роль до конца?Она открыла дверь безо всякой дрожи, вошла первой и включила свет в вестибюле. Она избегала встречаться со мной взглядом.Действительно, она была немного бледна, но тот, другой, разве не видел ее только что в обмороке?— Сейчас я провожу вас в салон, — объявила она голосом глухим, но твердым.Я сжал ладонь маленькой Люсьенны, я не хотел, чтобы она видела то отвратительное зрелище, которое ждало нас. Мадам Драве зажгла люстру в салоне и отступила, давая нам возможность пройти внутрь. Вобрав голову в плечи, я приготовился услышать тревожный крик мужчины в кожаном пальто.— О! Какая красивая елка! — прошептал он, переступив порог.Я отстранил его, чтобы тоже посмотреть. В комнате больше не было трупа.— Садитесь, господа.Ее лицо было непроницаемым, но, кажется, я заметил как по нему едва уловимо скользнула улыбка.Что она сделала с трупом своего мужа? Решившись передвинуть его, она, может быть, все испортила. Я был зол на нее за это безумие. Я оглядывался вокруг в поисках следов драмы. Их не было. Она вымыла кожаный диван. Тогда я посмотрел, висит ли на вешалке пальто Драве, но его там не было. Видимо, мадам Драве не упустила ничего. Но куда, черт возьми, она

могла уволочь тело? И если она решилась убрать труп, то зачем тогда вся эта комедия на рождественской мессе? Я отдал бы десять лет жизни за возможность откровенно поговорить с ней.— Я вам бесконечно благодарна, господа. Вы были так добры...— Ну что вы, это ничего, — заверил ее мужчина в кожаном пальто, очень довольный тем, что ему удалось совершить благодеяние на Рождество. Наверное, он все-таки был верующим, раз ходил в церковь. И, без сомнения, думал, что его вера обеспечит ему вечное блаженство.— Доставьте мне удовольствие — выпейте чего-нибудь, пока я уложу дочь спать...— Может быть, мне помочь вам? — поторопился я с предложением, чтобы не упустить возможность поговорить с нею с глазу на глаз.— В этом нет необходимости, мсье. Спасибо. Ее голос был вежливым, а взгляд ледяным.— Садитесь. Мужчина расстегнул пальто и плюхнулся на диван. Я почувствовал, как дрожь прошла по всему моему телу.— Что вы будете пить? Она подняла наши рюмки и поставила на место — в маленькие металлические корзинки на столике бара.— Что вам угодно. Желательно что-нибудь покрепче, отозвался автомобилист.— Коньяк?— С удовольствием.— А вам, мсье? В этот взгляд я вложил всю душу, мне ужасно хотелось обнять ее за талию, прижать к себе и тихо сказать: «Прекрати эту идиотскую игру, я помогу тебе. Мы попробуем уладить это дело».— Тоже коньяк. Она сама налила нам. Я сел в маленькое кресло, в то время как она повела окоченевшую девочку в комнату. Мой напарник пригубил коньяк. Затем он скорчил гримасу, которая, по всей видимости, должна была означать, что его удовлетворяет качество напитка.— Меня зовут Ферри, — объявил он, почувствовав внезапную потребность в разговоре. — Не "у" как Лану, а "и" — Поль Ферри.— Альбер Эрбэн... Он протянул мне руку, я находил всю сцену гротесковой. Кивком головы он указал на дверь:— Очаровательная женщина, а?— Да, очаровательная.— Мне кажется, она не веселится с утра до вечера.— Почему вы так думаете?— Гм, если в такую ночь муж оставляет ее одну...— Может быть, он в отъезде?— Может быть. Не знаю, мне она показалась грустной, а

вам?Этот мужчина был полная мне противоположность, он испытывал те же чувства к мадам Драве. Я был взволнован, даже растроган.— Немного.— Может быть, она беременна?— Что за мысль?— Гм, так упасть в обморок.— Не очень-то удобно спросить ее об этом,— пробормотал я.Ферри пожал плечами, затем отпил из своего стакана.— А моя сейчас в клинике со здоровым мальчиком, которому уже два дня. Подожди он немного и мог бы быть маленьким Христом. Он у нас довольно поздний, мы и надеяться перестали, и вот видите...Именно поэтому наше Рождество в этом году расстроилось! Ничего, мы наверстаем в следующем году. Моя жена очень верующая, это она настояла, чтобы я пошел в полночь на рождественскую мессу вместо нее. Сам я в религии не очень силен, но ради малыша...Как и все счастливые люди, он испытывал потребность говорить о себе. Коньяк подталкивал к откровенности. Он даже не замечал, что я слушаю его более чем невнимательно.— Вы женаты?— Нет.— А вы должны об этом подумать.. Вы скажете, что я лезу не в свои дела, но мы, мужчины, можем позволить дать совет друг другу, а? С женщинами не всегда так легко, как хотелось бы, но они уравнивают нашу жизнь, вы понимаете меня? Равновесие и дети.Я не мог произнести ни звука. Округлившимися глазами я уставился на новогоднюю елку. На кончике одной из веток висела моя серебряная клетка с велюровой птицей внутри. Я попытался вспомнить, действительно ли на эту ветку ее повесил, но так и не смог. В здравом ли я уме? Не повлияли ли тюрьма на мой рассудок?— Куда вы смотрите, мсье... гм... Эрбэн?Я вышел из забытья. Вокруг меня все плыло. Медленно, но не очень. Я пробовал найти происходящему какое-нибудь объяснение.Когда вечером Драве вернулся к себе домой, то, должно быть, ходил туда-сюда по комнате, прежде чем решиться на худшее. Я представлял, как он мечется и вдруг останавливается перед нарядной елкой, поставленной для маленькой девочки, которую он ненавидел. Полным злобы движением, он срывает елочные игрушки и швыряет их в камин или за диван. После того как его жена отнесла куда-то тело, она

стала наводить порядок в салоне, нашла игрушки, и среди них мою клетку, и снова повесила их на елку.— Нарядная елка всегда очень красива, не правда ли?— Да, — произнес я, — очень красива. Вернулась улыбающаяся мадам Драве.— Ну вот, ребенок очень быстро уснул. Еще немного коньяка, господа?— Всего лишь каплю, — пошутил Ферри, — раз уж сегодня Рождество!— Я испортила вам мессу?— О! Как я только что сказал мсье Эрбэну...Неудивительно ли, что она узнала мою фамилию таким образом?При этих словах она бросила на меня менее зловещий взгляд.— ... Как я только что сказал мсье Эрбэну, я не силен в религии.Но дело в том, что у меня на днях родился мальчик.— Примите мои поздравления.Самым странным было то, что хозяйка, казалось, действительно заинтересовалась этим.— Восемь ливров. Без ста грамм... Большой господин, а, что скажете?— И как зовут этого молодого человека?— Жан-Филипп.— Мне очень нравится это имя.— Вам надо бы выпить немного после того, что с вами случилось, — посоветовал Ферри.— Обязательно, — присоединился я, — шерри, например...Уверенным жестом я налил ей ликер.Она выпила его одним духом.— Вы не хотите обратиться к врачу?— В этом нет необходимости. Мне просто стало дурно. Было так душно...— Это правда.Вдруг она вскрикнула, отчего мы с Ферри вздрогнули.— Боже мой! — вздохнула мадам Драве.— Что случилось?— Я забыла в церкви свою сумку!Ферри слишком уважал правила хорошего тона, чтобы не разделить огорчение женщины.— Там было много денег? — быстро спросил он.— Около тридцати тысяч франков и документы.— Ого-го, еще бы, я вас понимаю. Мы сейчас быстро сгоняем туда. Если дьявол не унес вашу сумку, то мы обязательно найдем ее. Другое дело, в кинотеатре... Но в церкви... а?Он уже встал и, на ходу допивая коньяк, стал застегивать кожаное пальто.Я тоже поднялся. Вообще-то я не очень понимал, что мадам Драве хотела этим добиться. Ведь я прекрасно помнил, что у нее не было никакой сумки, когда она выходила из дома.

8. ЧЕТВЕРТЫЙ ВИЗИТ

— Вы не закрываете ворота на ключ?— А зачем?Он не стал настаивать. Мы подошли к машине, я открыл мадам Драве дверцу. Ферри уже сел за руль. В моем распоряжении было несколько секунд.— Что вы сделали с телом? — выдохнул я.— Оставьте меня! Вы хотите, чтобы я погибла? Возвращайтесь к себе, а завтра я к вам приду. Водитель удивленно спросил:— Что-нибудь не так?Вместо ответа она села рядом с ним и сделала вид, что не расслышала вопроса. Машина тронулась. Часы показывали немногим больше часа ночи. Я дошел до предела казалось, я тоже сейчас упаду в обморок, и по-настоящему Когда мы проехали метров триста, я попросил водителя остановиться.— Будьте любезны, остановите. Я здесь живу. Мне кажется, нет смысла в том, чтобы я сопровождал вас дальше, не так ли?Он с готовностью затормозил.— В общем, да, я думаю, не стоит.Он не был недоволен тем, что остается один с женщиной.Наоборот, оживился. Он провел несколько месяцев, лелея свою беременную жену, и теперь ему нужна была передышка.— Мои наилучшие пожелания, мадам.Она протянула мне руку через спинку сиденья.— Спасибо, что вы были так внимательны...Ферри энергично сжал мои пальцы.— Рад был познакомиться.Когда я выходил из машины, у меня сжалось сердце.Я стоял на краю тротуара, пока два красных огонька не исчезли из виду.Внезапная тоска залила весь квартал, как оцепенение, наступающее после буйного пиршества. На черных фасадах зданий одно за другим гасли окна. Я чувствовал себя таким одиноким, как никогда еще до сих пор. Более одиноким, чем перед трупом Анны, чем в камере предварительного заключения, чем в своей камере. Я ничего не понимал в поведении мадам Драве — зачем она убрала тело мужа? Зачем этот обморок? Зачем выдумка с забытой в церкви сумкой?Мысль о двух маленьких красных звездочках на ее рукаве продолжала преследовать меня. В какой-то момент я даже сказал себе, что это она убила своего мужа с помощью какого-нибудь соучастника... Это было экстравагантно, безумно, но я готов был предположить что угодно, и всему поверить.В нескольких метрах возвышался фасад моего дома.Овеществленные

угрызения совести. Мое детство, моя мать, которая ждала меня за этой большой обшарпанной стеной. Я сам все испортил, все убил — свои воспоминания и тех, о ком они были. Я застегнул пальто на все пуговицы, засунул руки поглубже в карманы, повернулся и, прижимаясь к стенам, отправился к Драве. С меня было достаточно тайн, и я решил откровенно объясниться с этой женщиной. Я даже решил пригрозить ей, если понадобится. Я вспомнил, что она не закрыла ворота на ключ, и зашел во двор ателье. Темные тени плясали на огромных стеклах, на их матовой поверхности извивались фантастические существа. Нужно было довольно долго наблюдать за ними, чтобы понять, что это облака, странствующие в декабрьском небе. Я подождал около четверти часа, изучая место. Мне нравился крепкий запах бумаги, я находил занятным это нагромождение, напоминающее крепость. Мадам Драве задерживалась. Становилось все холоднее, и я нашел убежище в кабине одного из грузовиков; они были повернуты к воротам, и я мог наблюдать за входом через ветровое стекло. Что она там делала в компании этого Ферри? Они отправились в церковь, она сделала вид, что ищет сумку, может быть, даже справилась у зрителя? А потом? Четверти часа вполне достаточно, чтобы произвести эти поиски. А уже прошло полчаса с тех пор, как они уехали. Усталость навалилась на меня с еще большей силой, чем там, в церкви. Я поднял воротник пальто, устроился поудобнее, вытянул ноги и тут же закрыл глаза. Это не был сон, так — дремота. Я полностью расслабился, но сознание бодрствовало, только вещи, окружавшие меня, потеряли свою реальность. Я стал нечувствителен к холоду и равнодушен к ситуации, в которой находился. Мое любопытство растаяло, и мадам Драве превратилась в воспоминание о любимой женщине, которую я убил очень давно. Звук автомобильного мотора у ворот, внезапная тишина, два хлопка закрываемых дверей! В одно мгновение я проснулся с совершенно ясной головой. Ясность была полной от того, что мне удалось отдохнуть. Я хотел вылезти из грузовика, но было поздно — ворота уже открылись. Быстрым движением я опустил козырек и вжался в спинку сиденья... В ночной

темноте меня было невозможно увидеть. Мадам Драве вошла в ворота в сопровождении Ферри. Мужчина в кожаном пальто фамильярно держал ее за руку. Какое-то мгновение они стояли не двигаясь.— Спасибо, — прошептала она, — спасибо за все. Мужчина отпустил ее руку и стал ласкать шею жестом завоевателя. Я чуть было не вылетел из кабины, чтобы дать ему по морде. Это был резкий приступ ревности, наподобие того, что я уже испытал однажды. Снова возникла необходимость уничтожить предательницу. От бешенства у меня почернело в глазах, а затем неожиданно моя злость иссякла — она резко убрала его руку.— Вот видите, все-таки у нас был рождественский ужин, — заметил Ферри. Я позволил себе пошевелиться: согнул руку, посмотрел на часы и чуть было не подпрыгнул. Стрелки показывали пять минут шестого. Они отсутствовали два часа! Я даже засомневался и поднес руку с часами к уху, чтобы удостовериться, что они ходят. Я услышал спокойное знакомое тиканье. Когда позавчера мне выдали их при выходе из тюрьмы, я первым делом установил стрелки и завел их — часы послушно пошли.— Вот видите, мадам Драве, для меня это необычное Рождество.— Для меня тоже.— Правда? Болван! Голос его прерывался, и я был уверен, что он сейчас смотрит на нее глазами дохлой жабы.— Вы необыкновенная женщина.— Мне давно никто не говорил таких слов. Наверное, она и ему рассказала о своем семейном разладе. Может быть, даже ему повезло и он узнал о происхождении Люсьенны?— Зайдете выпить что-нибудь на дорогу? Он совсем не ждал этого приглашения и даже не смог сразу ответить. Я был уверен, что он прилежно ухаживал за ней весь вечер, она вежливо принимала все его ухаживания, но держала дистанцию, и вдруг, когда у него не оставалось надежды...— Вы думаете, что я смею?— А почему нет? Сегодня же Рождество! Они пересекли двор и прошли в нескольких сантиметрах от меня. Мадам Драве открыла дверь, а затем послышался скрежет решетки лифта. Я подождал немного и вылез из кабины. Вместо того чтобы обратиться восвояси, я вошел в здание, ощупью добрался до лестницы и стал осторожно карабкаться по ступенькам,

останавливаясь на каждом шагу и прислушиваясь. Я слышал, как они разговаривали, но не мог различить слов. Их голоса сливались в глухое и непрерывное бормотанье. И вдруг:— Жером! — закричала мадам Драве. — Ты здесь, Жером? Кровь застыла у меня в жилах. Что, эта женщина с ума сошла? Почему она зовет своего мужа? Она же прекрасно знает, что он мертв. С безумно бьющимся сердцем я прижался к стене. — Жером! Неожиданно раздался громкий крик. Безумный крик ужаса! Глухой голос Ферри пробормотал:— Мадам... Что поделаться, мадам... Мадам... Затем наступила тишина. Головокружительная тишина, еще более острая оттого, что я стоял в темноте лестницы. Я не двигался и еле-еле дышал. Не знаю, сколько времени прошло. Я должен был исчезнуть, но какая-то тайная сила удерживала меня на месте. Я хотел знать. По всей видимости, они «обнаружили» труп Жерома Драве. Но где она скрывала его? И зачем перенесла? Почему она так долго откладывала его открытие? Почему? Почему? Этот кошмар становился непереносимым... Наверху открылась дверь. Длинный треугольник бледного света упал на решетку грузового лифта. Узкий силуэт молодой женщины отразился на этом фоне. Игра теней. Или нет: трагедия теней. Мужчина в кожаном пальто старался удержать женщину, она пыталась убежать.— Я прошу вас. Полиция вот-вот придет. Успокойтесь, мадам. Я прошу вас... Я прекрасно понимаю — это ужасно, но надо... Давайте вернемся... вернемся... Он втащил ее в квартиру, даже не закрыв дверь. Я уставился на треугольник света, слушая отрывистые рыдания мадам Драве. Я отлично знал, что мне надо бежать во что бы то ни стало. Я рисковал всем, если полиция обнаружит меня здесь. На цыпочках я стал спускаться по каменным ступенькам, но как только достиг конца лестницы, резкий вибрирующий вой полицейской сирены раздался совсем рядом. Я чуть было не упал в обморок. Сирена замолчала. Чуть звякнули ворота. Я был пойман в ловушку, мне ничего не оставалось, как оттянуть развязку, поднявшись наверх. Я стал подниматься по лестнице, на этот раз даже не стараясь заглушить шум шагов. Может быть, есть хоть

малейшая возможность убежать через крышу? Я вспомнил окошко над кабиной грузового лифта. Я достиг освещенной площадки, бросил быстрый взгляд на нее, чтобы удостовериться, что ни Ферри, ни мадам Драве не стоят в дверях. Их там не было. Зато я увидел нечто иное, что едва не лишило меня рассудка: сквозь открытую дверь был отчетливо виден труп Жерома Драве, на диване, в точно таком же положении, в каком я обнаружил его в первый раз. Но вот я уже проскочил освещенную площадку и засомневался, не было ли увиденное мною галлюцинацией. Дальше лестница была узкой и деревянной, я поднялся по ней настолько быстро, насколько смог. А внизу уже слышались шаги полицейских. Я застыл на месте, не в состоянии успокоить свое дыхание, казалось, что-то сдавило мне грудь, а снизу слышались шепот и неразборчивые восклицания. Ситуация, в которой я находился, была безвыходной. Если полицейские поднимутся по лестнице, то безусловно, обнаружат меня, и я никогда не заставлю их поверить, что нахожусь здесь лишь в качестве любопытного. Лестница кончалась там, где я стоял. Что было делать? Необычайно осторожными мягкими движениями я стал ощупывать стену. Мои пальцы стали пальцами слепого они превратились в глаза. Я почувствовал шероховатую поверхность двери, набалдашник ручки и медленно-медленно стал его поворачивать. Я молил Бога, чтобы дверь открылась. И, слегка скрипнув, она поддалась, но для меня это скрип был подобен выстрелу из пушки. Несколько мгновений я стоял не шевелясь, набираясь храбрости, затем с бесконечными предосторожностями стал открывать дверь. У меня вновь появилась надежда. Я забыл о трупе там, внизу, о комедии, которую играла мадам Драве, о полиции, я думал лишь о спасении — ведь на всех чердаках есть выход на крышу. Если я отыщу его, то, может быть, буду спасен. Но чем дальше проникал я внутрь, тем больше сгущалась тьма, я продирался на ощупь в темноте, которая была вязкой, словно болото. Войдя внутрь, я стал закрывать за собой дверь. Я действовал с еще большими предосторожностями. Когда наконец мне это удалось и ручка

повернулась, мне показалось, что между мной и полицией воздвигнута стена. На мгновение я замер, пытаюсь успокоить спазматическое дыхание. Подо мной раздавались шаги, были слышны какие-то слова, телефонные звонки. Они, наверное, вызывали «скорую помощь», предупреждали прокуратуру. Станут ли они обыскивать дом? Теперь меня мучил страх еще больший, чем прежде. Я знал, что у мадам Драве есть соучастник. Иначе кто же в ее отсутствие вновь перенес труп в салон. И тот, или та, кто совершал эти жуткие манипуляции, может быть, еще в это время находился в доме. Или же отсюда был выход, о котором я не знал, хотя, не исключено, что неизвестный ушел, пока я дремал в кабине грузовика. Наверное, из-за этого сообщника мадам Драве и не стала запирает ворота. А вдруг этот человек сейчас на чердаке? Я представлял его где-то рядом, готового перерезать мне горло. Казалось, я слышал чье-то легкое дыхание. Я пытался взять себя в руки, уверяя, что это мое собственное дыхание, но ужас продолжал расти. Я испытывал большое желание открыть дверь и спуститься к полицейским. Единственное, что останавливало меня — мысль о молодой женщине, которая одна отбивалась от них. Несколько раз она просила меня исчезнуть, но я не послушался. Я решил противостоять, преследовать ее. Если я появлюсь, для нее будет все кончено, так же, как и для меня. — Здесь есть кто-нибудь? — прошептал я. Никто не ответил, но мой голос успокоил меня. Если у жены Драве был соучастник, то не такой же он идиот, чтобы остаться ждать полицию на месте преступления! На лестнице стало очень шумно. «Так и есть, — подумал я. — Они обыскивают дом и ателье». Обезумев от страха, я ждал, что вот-вот дверь резко распахнется, и в лицо мне ударит свет электрического фонарика. Но время шло. Иногда шаги там, внизу, затихали, но едва я начинал надеяться, они раздавались снова. Я переходил от надежды и даже уверенности к панике, когда я готов был кричать от страха. Мне показалось, что я нахожусь слишком близко от лестницы, поэтому я осторожно попятился. Локтем я задел косяк какой-то двери и понял, что оказался в более просторном помещении. Я медленно

передвигался, ища выход на крышу, но выхода не было; я поднял руку, чтобы ощупать потолок, но пальцы ушли в темноту. Сделав несколько шагов, я наткнулся на что-то, должно быть, на коляску, скорее всего, принадлежавшую малышке Люсьенне. Она со звоном откатилась. Шум снова разбудил во мне страх: не услышали ли внизу? Ни в коем случае я не должен был больше двигаться, иначе рисковал свалить какой-нибудь хлам, которым обычно забивают чердаки. С бесчисленными предосторожностями я растянулся на полу и, почувствовал бахрому старого ковра, прижался к нему щекой. Иногда страусиная тактика бывает полезной. Лежа неподвижно, с закрытыми глазами, я чувствовал себя в безопасности. Даже если кто-нибудь поднимется сюда и осветит чердак фонариком, то вполне возможно, что меня не заметят. Я вновь начал надеяться. Даже если труп передвигали полицейские должны поверить в самоубийство Драве. Они обойдутся простыми формальностями. Я услышал сирену «скорой помощи», стук дверей, крики... Внизу продолжали ходить, разговаривать, часто раздавалось металлическое позвякивание телефона. Потом вновь крики, рыдания, — наверное, приехали родители Драве. Я посмотрел на часы. Их светящийся циферблат был единственным светлым пятном в комнате. Секундной стрелки не было видно, светились лишь цифры и две стрелки. Шесть часов... Шесть двадцать... Без четверти семь утра. Прошло уже полтора часа с тех пор, как обнаружили тело, значит, они не будут проводить обыск. Если бы у полиции появились какие-то сомнения, она тут же перевернула все вверх дном. Неужели я спасен? Я не решался в это поверить. Мне оставалось преодолеть еще столько преград: выйти с чердака, спуститься по лестнице, пересечь двор... Если мадам Драве будет не одна, то как я объясню свое присутствие в доме, а если она уйдет, то как я пройду сквозь запертые ворота?

9. ЧУДО

Я услышал, как пробило семь часов. Колокола в округе звонили каждые полчаса, но я даже не слышал этого; в доме была полная тишина, и до меня доходил лишь шум улицы. Движение в городе в это рождественское утро начиналось с опозданием. Но сейчас тяжелые грузовики с товарами уже подпрыгивали по мостовым, за ними следовали с шумом мотоциклы. Должен ли я ждать еще? Я впал в летаргию, которая парализовала мою волю. Если я слишком задержусь, то обязательно столкнусь с родственниками и знакомыми, которые нагрянут сюда, как только распространится весть о смерти Драве. Я еще колебался. Когда я уже собирался подняться с пола, по деревянной лестнице, ведущей на чердак, раздались шаги. Они были решительными и быстрыми. Меня бросило в жар. Не было никаких сомнений, что кто-то уверенно поднимался именно сюда. Прямо ко мне. На секунду шаги замерли, затем стали медленно приближаться. Я уже чувствовал чье-то присутствие в нескольких метрах от меня. Раздался легкий щелчок выключателя, и меня ослепил резкий свет, будто, я смотрел прямо на солнце. От неожиданности я не мог ничего понять. В центре струившегося света словно волшебное видение стояла мадам Драве. Мои глаза почти привыкли к свету. Она была одна. Судорожно сжав руки у груди, она смотрела на меня, словно отвратительнее зрелища не могло быть на свете. Наверное, ее никогда никто так не пугал, как я в тот момент. Наши взгляды встретились лишь на мгновение. И тут же мое внимание привлекла обстановка. Кажется, я даже закричал. Крик вырвался непроизвольно — крик человека, потрясенного открывшимся зрелищем. — Что вы здесь делаете? — спросила она глухо. Я молчал, пытаюсь разобраться. Я находился не на чердаке, а в салоне мадам Драве. Вот диван и кресло, и проигрыватель на низком столике. А вот и бар на колесиках со стаканом Ферри и моим. Очевидно, именно бар я толкнул в темноте, приняв его за детскую коляску. И новогодняя празднично украшенная елка тоже была здесь, а на одной из ее веток висела, словно в насмешку, моя серебряная клетка с голубой птичкой. Застекленная дверь

в салон была сейчас открыта, через нее я видел вестибюль с вешалкой, на которой ничего не было.— Ну же, отвечайте, что вы здесь делаете? Голос ее был злым, но в нем сквозило отчаяние. Я схватился за голову обеими руками, как это делают актеры в театре, когда изображают удивление.— Ничего не понимаю...— Вы не понимаете, почему провели здесь ночь?— Пойдите. Я мысленно прошел свой ночной путь: поднялся на второй этаж, миновал квартиру Драве, увидел через открытую дверь салона труп на диване... Я видел и новогоднюю елку, и проигрыватель, и бар на колесиках...— Пойдите. Силы покинули женщину, она сделала несколько шагов и упала в кресло.— Вы хотите сказать, что ничего еще не поняли? вздохнула она, закрывая глаза. Я выбежал из салона и прошел по вестибюлю, открывая по очереди все двери. Кругом были абсолютно пустые комнаты со стеклами, заляпанными штукатуркой. Тогда я вернулся к ней. Под глазами у нее были большие синие круги, а щеки ввалились.— Как я устала, — прошептала она. — Я так устала, что, кажется, умерла бы прямо здесь. Я сел на диван напротив, инстинктивно приняв ту же позу, что и она. Мы оба были измучены.— Здесь две совершенно одинаковые квартиры. Одна наверху, другая внизу — правильно?— Свекор выстроил еще один этаж для второго сына, который сейчас служит в армии, в Африке. Я начинал понимать. Не все, нет, все было сложнее. Я догадывался, что сейчас вот-вот пойму и найду разгадку.— И вы обставили салон так же, как собственный?— Это было нетрудно сделать.— Правда, вы ведь мне говорили, что работали декоратором.— Нет необходимости обучаться в Академии художеств для того, чтобы покрыть вестибюль и одну из комнат белой краской, купить диван, кресло, бар, проигрыватель, похожие на те, которые...— Это вы его убили, не так ли?— Вы уже сами это поняли. О, женская прозорливость! Она раньше меня знала, что я обо всем догадался.— Вы подцепили меня в ресторане, потому что вам нужен был свидетель? Она открыла глаза. Ее взгляд был полон бесконечной грусти.— Подцепила...— Ладно, скажем, поощрили мои действия. Вы сыграли свою роль прекрасно. Каждую минуту казалось,

что происходящее — цепь случайностей, а на самом деле вы уверенно управляли ситуацией.— Да, опасность делает человека сильным.— Вы устроили все так, чтобы привести меня сюда, настояли на том, чтобы я выпил что-нибудь...— Перед тем как выйти из комнаты, мне необходимо было знать, что вы будете пить.— Для того, чтобы, спустившись этажом ниже, налить то же самое в такую же рюмку? Она кивнула. А была ли она недовольна моим появлением? Разве от присутствия понимающего человека ей не стало легче? Ведь на нее давила тяжесть этой ужасной тайны.— Вы поставили пластинку, чтобы я не услышал выстрела?— Естественно. Я усмехнулся...— Вагнер! Хороший фон...Довольно долго мы сидели молча. Она хотела довериться, как доверяется на исповеди неопытный грешник: отвечая на вопросы. А у меня их были сотни, тысячи...И я не знал, с какого начать. Самое простое, казалось бы, выяснить все до конца об убийстве Драве, соблюдая хронологию событий.— Когда вы вышли из этой комнаты, вы спустились с Люсьенной на этаж ниже? При имени дочери слезы выступили у нее на глазах, я видел, как они собрались на кончиках ее длинных ресниц, а потом потекли по красивому лицу, искаженному гримасой боли.— Затем вы вошли в салон, на этот раз настоящий, для того, чтобы убить своего мужа. Кстати, я не совсем понимаю...— В полдень он съел шоколадные конфеты с фенотбарбиталом, которые я ему подсунула. Фенотбарбитал состоит из множества разных компонентов, которые быстро растворяются в организме и действуют как снотворное. Хорошо рассчитав дозу, можно держать человека в состоянии сна долгие часы...Слабая улыбка на мгновение осветила ее лицо.— И вот...— Он спал?— Да. Она прекрасно знала, о чем я думаю. Если когда-нибудь все раскроется, суд не найдет для нее смягчающих обстоятельств. Она хладнокровно после долгой и тщательной подготовки убила спящего человека.— Я вызываю у вас страх? Вы думаете, что я монстр? Я пожал плечами.— Я не тот человек, который может судить вас. Медленно, как в кино, она протянула мне руку, и мне показалось, что все начинается снова. Я схватил ее руку и сжал. Я молил

небо, чтобы нам дали хоть несколько минут передышки, ведь в любой момент мог раздаться стук в дверь или телефонный звонок.— Никто не был обеспокоен его отсутствием вчера после обеда?— Его любовница. Утром фабрика работала. Нисколько не стесняясь, она пришла к нему в кабинет, и, как я узнала через секретаршу, у них были совместные планы на вечер. Она звонила во второй половине дня, но не назвалась, спрашивала Жерома, но я ответила, что он ушел.— Надеюсь, полиция будет в курсе этого инцидента.— Конечно.— Надо использовать версию самоубийства. Кстати, как отреагировали полицейские? Она задумалась.— Не знаю.— Ну... как они себя вели?— Как враги. Ничего не говорили, фотографировали, измеряли. Взяли револьвер и положили в целлофановый пакет.— Потом?— Запломбировали дверь салона! Мне это не очень нравится. Я думала, что если полиция сталкивается с самоубийством, то не предпринимает никаких мер предосторожности. Это была точка зрения профана: если бы у инспекторов появились сомнения, они бы перерыли весь дом.— Так. Вы убили его... Надеюсь, на вас были перчатки?— Да. Но он сам выстрелил в себя. Вы понимаете? Я только держала его руку. Как держат руку неграмотного, когда надо подписать что-нибудь. Она помогла ему подписать свой смертный приговор.— Две капли крови попали на рукав.— Я поняла, что эти капли беспокоили вас. Вы заволновались еще до того, как мы нашли тело. Я даже хотела уйти от вас, когда мы вышли из кафе. Слова были жестокими, но их смягчило легкое пожатие руки.— Что вы сделали с перчатками?— Я их выбросила в сточную канаву во время нашей ночной прогулки, разве вы не заметили?— Нет, — признался я жалобно. Я хотел знать все в деталях, это дело меня невероятно интересовало, просто завораживало.— Вы выстрелили, а потом?— Я плеснула немного коньяку в одну рюмку, немного шерри в другую... Поставила их на верхнюю полку бара.— Так вот почему перед тем как мы ушли, вы переставили мою рюмку с камина.— Вы запомнили и это?— Как видите...— Мы разговаривали, гуляли...— А когда вернулись, вы остановили лифт на втором этаже, а не на третьем. А

чтобы я не заметил, что путь был короче, вы поцеловали меня...— Вы думаете, что я поцеловала вас именно поэтому?— Расскажите мне о грузовом лифте.— Он поднимается на три этажа. Ателье устроено очень рационально. Клеют на втором этаже, а все остальные работы производят выше. Мой муж сделал так, что грузовой лифт можно использовать как обычный — он открывается и со стороны фабрики, и со стороны квартир.— И?..— В этот вечер я открутила кнопку на третий этаж из предосторожности. Мой гость-свидетель не должен был догадаться, что есть еще этажи.— А как же вы нажимали на кнопку, мы ведь поднимались на третий?— Я взяла у дочку детскую вязальную спицу — ее кончик как нельзя лучше проникает в дырочку на табло.— Примите мои поздравления...Я смотрел на нее, удивляясь, как такое коварство, такая изобретательность могли появиться у этой женщины.— Я заменила лампочки на лестнице и в грузовом лифте на перегоревшие.Теперь она торопилась рассказать все до конца. Она хотела удивить меня.— Когда вы пришли ко мне в первый раз, держа на руках Люсьенну, я остановила лифт немного раньше, чем он должен был остановиться. Точно так же я поступила в третий ваш визит, когда с нами был тот мужчина из церкви... Знаете, почему я это сделала?— Нет.— Потому что наша квартира расположена не на одном уровне с ателье, а грузовой лифт приспособлен к лестнице фабрики.Поэтому, когда выходишь со стороны квартиры, нужно подняться на ступеньку. А на третьем этаже и ателье, и жилая часть на одном уровне. Я создала эту ступеньку, останавливая лифт раньше.— Bravo! В темноте это, должно быть, нелегко?— Я тренировалась долгими ночами, когда была дома одна.Движение стало рефлекторным. Я добилась того, что останавливалась только плюс-минус один сантиметр.Я восхищался этой женщиной, но одна фраза поразила меня: «... я тренировалась долгими ночами, когда была дома одна». Я представлял себе ее жизнь на фабрике с уродливым ребенком.«... долгими ночами, когда была дома одна».Да, у нее было время на то, чтобы обдумать убийство, чтобы посвятить себя достижению цели...— Почему дверь на

третьем этаже не была заперта на ключ? Чтобы войти сюда, мне достаточно было повернуть ручку.— Из осторожности.— То есть?— Каждый раз я делала вид, что пользуюсь ключом, но у меня был только один ключ, которым я для видимости ковырялась в замке. Я боялась, что если при расследовании у меня отберут всю связку и сравнят мои ключи и мужа, то сразу увидят, что у него нет ключа от третьего этажа. Я отпустил руку мадам Драве.— А я чуть было не провалил такой замечательный, до мелочей продуманный план. Она кивнула.— Да. Мне попался единственный человек в квартале, который не мог быть свидетелем. Когда вы сообщили мне, кто... кто вы такой, я была готова покончить с собой. Все нужно было начинать сначала.— И вы начали?— Да, только теперь все становилось гораздо сложнее из-за тела, которое остывало. Я постаралась как можно дольше отсутствовать с мсье Ферри, чтобы труднее было установить время смерти. Я сделала так, чтобы он отвел меня в шумное место, где нас обязательно должны были заметить. Мы надели на себя дурацкие бумажные шляпы, кидались серпантином, пили шампанское. Он сказал мне, что это его лучшая рождественская ночь. Она устало махнула рукой.— Как вы думаете — они будут проводить вскрытие?— Если появятся какие-то сомнения, обязательно...— Насколько я знаю, фенотарбитал не оставляет никаких следов в крови. А вот угол, под которым был сделан выстрел... Но мне кажется, я хорошо рассчитала... Слушая ее спокойный голос, глядя на ее молодое благородное лицо, невозможно было поверить, что она совершила столь изощренное убийство.— А что касается времени смерти... Если не будет вскрытия, то его нельзя проверить. И еще! Мсье Ферри засвидетельствовал, что салон был пуст, когда мы ушли. Он показал, что не покидал меня и мы вместе обнаружили труп. Она встала передо мной, прижавшись к моим согнутым коленям, подняла к себе мою голову.— Вы единственная и реальная опасность. Что вы чувствуете, держа в руках судьбу человека? И это она спрашивала меня. Она, убившая мужа. Меня, убившего женщину.

10. ВЕЛЮРОВАЯ ПТИЧКА

— Почему вы убили его? Она покачала головой:— Не хочу даже пытаться объяснить вам это. Все из-за дочери.Он издевался над ребенком...Внезапно я взорвался:— Не надо только говорить, что вы собирались засунуть труп в ее маленькие ботиночки! Женщина натянуто рассмеялась:— Я не скажу этого, хотя вы, Альбер, недалеко от истины.Она помнила мое имя! Что еще надо, чтобы заполучить мужчину в союзники. До сих пор мне было лишь безразлично, что она выбрала меня в ресторане. Или меня выбрала сама судьба? Не благодаря ли более сложному сплетению обстоятельств я оказался за соседним столиком. Всего лишь за день до этих событий я проснулся в тюрьме за тысячи километров отсюда, и цепь удивительных случайностей привела меня на это свидание.— Ваша выдумка с церковью была просто гениальной.— Это вы мне подсказали. Когда вы позвонили, я была в комнате Люсьенны, смотрела, как она спит, и задавала себе вопрос, неужели есть матери, которые могут уничтожить и себя и ребенка.Я пыталась найти этот ужасный рецепт. А когда я увидела вас в толпе у церкви, то чуть было не закричала от отчаяния.— Кстати, вы что-нибудь говорили обо мне полиции?— Ферри назвал ваше имя, но так как вас не было, когда обнаружили тело, полицейские не придали этому значения...— Они вернутся?— Безусловно. Еще заявятся и сонные родственники, и чиновники из магистрата. Вчера все много выпили и мало спали. Это будет кошмаром, хотя вряд ли все придут раньше полудня. Должны же они немного поспать, разве нет?— Вы поднялись, чтобы убрать все из этой комнаты?— Да. У меня не так уж много времени...Она ждала моего приговора. Мадам Драве не преувеличивала — ее судьба была в моих руках. Я окинул комнату разочарованным взглядом. Теперь это была декорация. Декорация трагедии.— Что вы собираетесь делать с мебелью?— Кресло подходит в пару к тому, что стоит в салоне. Я убрала его оттуда, чтобы освободить место для елки. Достаточно спустить его в одну из комнат, в столовую, например. Полицейские даже не входили

туда. Бутылки можно пристроить где-нибудь на кухне. Проигрыватель, бар и елку надо сломать и сжечь в топке центрального отопления — она большая. Остается диван, но его можно оставить здесь. У меня есть чехол другого цвета.— Очень хорошо! — решительно сказал я. — Тогда за дело. Она рассчитывала на мое молчание, но помощи никак не ждала и пришла в некоторое замешательство. Я посмотрел на часы. Я чувствовал непонятную уверенность. Это убийство было своего рода шедевром, и я хотел участвовать в его создании. Было почти восемь утра. У нас оставалось не больше часа. С помощью мадам Драве я отнес в лифт кресло, бар, проигрыватель и столик, на котором он стоял. Кресло мы оставили в столовой, как она и хотела. Разломать бар, проигрыватель и столик было для меня пустяком. К тому же ломать на мелкие части не было необходимости, потому что печка оказалась действительно огромной. Когда все сгорело и от проигрывателя осталось лишь несколько пружин, я вновь наполнил печь. Красные, как петушиный гребень, мы поднялись на третий этаж. Нам еще нужно было снять с елки многочисленные новогодние игрушки, прежде чем сломать ее и сжечь. Мы молча принялись за дело. Мы действовали, как в бреду, и чем меньше комната напоминала салон, тем больше мы торопились. В любой момент мог прийти какой-нибудь полицейский и застать меня у Драве. Она вскрикнула, когда обнаружила мою птичку в клетке. Я объяснил, откуда появилась эта вещичка, и она заплакала. Сидя на диване, она вздрагивала в такт рыданиям, прижимая к груди игрушку.— Почему вы плачете? — спросил я, когда она начала успокаиваться.— Из-за вас, Альбер. Я представила, как вы покупаете в лавочке эту бесполезную игрушку. Она, которая в течение долгих недель подготавливала убийство мужа. Она, которая выстрелила в упор в голову спящего мужчины. Она была способна заплакать при виде дешевенькой вещицы, символизовавшей мое одиночество.— Мне бы не хотелось, чтобы вы ее выбросили.— Но мы не можем повесить ее на елку, ведь двери опечатаны.— Я повешу ее над кроватью Люсьенны. Не знаю, может ли такая женщина, как я, верить в

талисман, но мне кажется, что эта птичка защитит мою дочь. Не теряя времени, она спустилась с серебряной клеткой в руках, мне же оставалось еще уничтожить елку. Я опять пошел в подвал. Когда кинул в печь обломки, повалил тяжелый черный дым. Каждый раз, когда я открывал заслонку, оттуда вырывалось смолистое облако, и я задыхался. Новогодние стеклянные игрушки напоминали яйца, аккуратно сложенные в картонной коробке. Я резко запихнул их в печь все разом, и они лопались со звуком ломающегося печенья. Я подмел пол в подвале, усыпанный зелеными иголками, потом поднялся. На лестничной площадке второго этажа я услышал голос мадам Драве. Подумав, что она разговаривает по телефону, я спокойно вошел в квартиру. В этот момент раздался мужской голос, и я понял, что надо бежать, но на лестнице уже раздавались шаги. Я оказался в западне. В столовой был гость, который оживленно разговаривал с мадам Драве, по лестнице поднимался человек. Прямо передо мной находилась дверь трагического салона, опечатанная восковыми печатями цвета запекшейся крови. Я рискнул — подошел на цыпочках к двери напротив столовой. Это была дверь детской. Не думаю, что кто-нибудь входил в дверь так быстро и осторожно. В комнате Люсьенны царствовал полумрак. Моя серебряная клетка раскачивалась над кроватью. Я слышал мерное и легкое дыхание малышки. В комнате стояла трогательная духота. В нескольких сантиметрах от меня слышался скрип половиц и гудение голосов. Наверняка кончится тем, что кто-нибудь войдет сюда. Я оглядывался вокруг, ища убежища, но в комнате были только кровать, маленький шкафчик, игрушки. Не знаю, что разбудило ребенка — мое присутствие или шаги за дверью, но она закричала. Ее крик был похож на резкий крик животного. Звук вошел в меня, как скальпель в тело под наркозом. — Малышка проснулась, — объяснила мадам Драве. Она шла к комнате. Кто-то следовал за ней. Я бросился за узкую занавеску кровати, которая не могла закрыть меня. Снова я испытывал судьбу. Дверь открылась. Женщина вошла. Мужчина остался стоять на пороге, и это спасло меня.

Мадам Драве увидела меня, и я еще раз убедился, что она умеет владеть собой. Она даже не вздрогнула, взяла на руки ребенка и вынесла из комнаты, стараясь закрыть меня от незнакомца. Я остался один в маленькой комнатке, и утенок Дональд смеялся надо мной. Я был один со своей желто-голубой велюровой птичкой, которая продолжала раскачиваться в серебряной клетке.

11. НАХОДКА

Когда они ушли, я совсем потерял чувство времени, как ночью в кабине грузовика. Мадам Драве опять нашла выход. Она стала напевать, чтобы не привлекать внимание ребенка.— Вот и все они ушли. Я пойду с ней на кухню, идите в столовую, а я ее уложу. Я вышел из детской так, что Люсьенна не заметила меня. Вскоре ее мать пришла в столовую. У нее был подавленный вид.— Вы испугались так же, как и я, — пробормотал я, прижимая ее к груди. Она совсем обессилила.— Они позвонили. Мне показалось, что вы услышали и спрятались в подвале.— Я ничего не слышал. Еще доля секунды, и я попал бы прямо к ним в объятия. Чего они хотели?— Им нужно было что-то проверить. Они сняли печать с дверей. Я не знаю, что они делали, потому что один задавал мне вопросы в столовой, пока другой был в салоне.— Они спрашивали обо мне?— В общем, да. Они интересовались вами. Но больше всего — любовницей моего мужа.— О чем они вас спрашивали?— О вас совсем немного: откуда вы меня знаете; просили вспомнить, как меня вынесли из церкви все эти люди, к которым вы подошли и с которыми заговорили. Я сказала, что совершенно вас не знаю, и что если вы обратили на меня внимание, то я едва вас заметила.— Вы правильно сделали. А что с любовницей?— Вот тут запахло жареным. Они хотели знать, в курсе ли я их связи. Вы понимаете, да?..— Еще бы! Я осторожно поцеловал ее волосы.— Они не стали подниматься?— Нет.— Слава Богу! Давайте закончим. Вы уверены, что они никого не оставили в здании?— Я проводила всех и закрыла ворота на замок.— А малышка? Они задавали ей вопросы?— Вообще

никаких. Один инспектор даже попросил у меня разрешения дать ей шоколадку в золотом фантике. Он достал ее из кармана.— Прекрасно. А теперь пойдете наверх.Теперь мне казалось, что я — соучастник убийства. Я принял его.Нам оставалось надеть чехол на диван и тщательно подмести. Я занялся этой неблагодарной работой, пока мадам Драве, сама утонченность, переворачивала тяжелые шторы на окнах. Белый тюль она повесила с внешней стороны, и комната приобрела нейтральный вид.— А где чехол от дивана?— Под подушками.Решительно все было продумано. Резким движением я поднял подушки. Действительно, чехол находился там, тщательно сложенный в длину. Но когда я взялся за него, что-то упало на пол — пластиковая обложка для документов. В ней лежали права на небольшой грузовичок «ситроен» с номером, зарегистрированным в Сене. Документ был на имя господина Поля Ферри, проживающего в Париже. Я озабоченно смотрел на права.— Что случилось? — спросила мадам Драве.Я протянул ей пластиковую обложку.— Валялись на диване. Этот идиот, когда приходил первый раз, потерял свои права.Она замерла, пристально разглядывая документ.— Вас что-то смущает? — спросил я, чувствуя неловкость.— Я думаю.— О чем?— Я думаю, что Ферри скоро заметит пропажу и будет вспоминать, где он посеял права.— Ну и что?Она не торопилась с ответом. Она обдумывала.— Ничего. Он, безусловно, придет сюда.— Вполне возможно. Но сейчас это уже не опасно. Посмотрите...Я взял чехол и застелил диван, подоткнул края под подушки и коленом отодвинул диван в глубину комнаты. Теперь это была квартира в процессе благоустройства. Ничего общего с салоном внизу, не считая цвета стен и формы комнаты.Мадам Драве отступила в вестибюль.— Вам не так привычна обстановка. Как вы думаете, если Ферри придет сюда, у него не появятся сомнения?Я на мгновение закрыл глаза, чтобы отвлечься. Затем открыл их.— Нет, это совершенно исключено. Сходство создавала не форма салона, а новогодняя елка, бар и проигрыватель. Я совершенно уверен, что вам удалось уникальное убийство, мадам Драве. Даже если полиция

обнаружит, что это не самоубийство, а преступление, они не смогут доказать, что его совершили вы. Она по-прежнему держала в руках пластиковую обложку и в задумчивости водила ею по щеке. — А что делать с этим? — Дайте мне, я выброшу ее где-нибудь у церкви. — Вы думаете? — Конечно. Это такая вещь, которую любой несет в комиссариат, независимо от того, порядочный он человек или нет. Он поторопится зарекомендовать себя порядочным человеком, возвращая права. Я засунул документы в карман. Теперь мне оставалось самое трудное: проститься с мадам Драве и выйти так, чтобы не нарваться на полицейского, наблюдающего за зданием. — Других выходов отсюда нет? — Из бюро есть дверь на улицу. — Как вы думаете, полиция знает об этой двери? Она пожала плечами: — Если полиция следит за домом, то, естественно, знает. Я был озадачен, теперь, когда занавес упал, «мой выход» мог все испортить. С другой стороны, не мог же я до бесконечности сидеть у Драве! — Есть еще один вариант, — пробормотала женщина после короткого молчания. — Какой? — Люк, через который спускают рулоны бумаги. Да, это мысль. Вряд ли инспекторы знают об этом выходе. Он находится в тупике, чтобы грузовики могли разворачиваться, не мешая уличному движению. Пойдемте... В последний раз я осмотрелся вокруг. Есть люди, которые, просыпаясь, жалеют о том, что их сон кончился, даже если это был кошмар. Я отношусь к подобным мечтателям. На этот раз мы стали спускаться по лестнице. На площадке второго этажа я на мгновение остановился, мысленно прощаясь с девочкой. Мы прошли в светлые залы цехов, заполненные кипами бумаги. Тут замечательно пахло работой, и, несмотря на усталость, я почувствовал сильное желание заняться каким-либо делом. Все, с завтрашнего дня буду искать место. — Вот смотрите, это здесь. Огромная задвижка закрывала люк. Он находился наверху за цементными перилами и состоял из двух тяжелых железных дверец. Я открыл одну из них. Образовавшегося отверстия было вполне достаточно, чтобы вылезти. — Ну вот и все! — прошептала она, хватая меня за руку. Это было

расставание. — Я не думаю, что слово «спасибо» подходит к нашему случаю.— Я не знаю ни одного подходящего слова. Все, что произошло, находится в другом измерении с другими законами.Мы посмотрели друг на друга со сладкой грустью, которая нам была и приятна и горька.— Не знаю, увидимся ли мы когда-нибудь, — сказала она, опуская глаза.— Я мечтаю увидеть вас вновь, и вы знаете это.— Я думаю, должно пройти немного времени...— Я тоже так думаю. Вы знаете, где живу я, а я знаю, где живете вы, — нет причин не встретиться.Не сказав больше ни слова, я вылез из люка и закрыл за собой тяжелую дверцу. Она захлопнулась с долгим вибрирующим звуком. Я услышал, как заскрежетал тяжелый засов, и огромная печаль обрушилась на меня — я вновь оказался в одиночестве.

12. НЮАНСЫ

У входа в тупик никого не было. Как, впрочем, и на улице.Наши опасения оказались напрасными — полиция приняла версию самоубийства.Это рождественское утро было зловещим: серое небо и бриз, который нес с собой снег. Квартал, казалось, вымер, а лица редких прохожих, которые прижимались к стенам домов, чтобы скрыться от ветра, были еще более серыми, чем само утро.Силы мои иссякли. Я не мог думать ни о чем, кроме сна, о том, как умоюсь и лягу в теплую постель. Работа в подвале Драве окончательно раздавила меня. В витринах отражалось мое лицо — ничего хорошего. Я напоминал трепещущее полинявшее знамя, какие обычно выставляют на фасадах обветшавших зданий.Много раз я оглядывался, но никто не следил за мной. Я вышел на длинный и пустынный проспект с короткоподстриженными, похожими на кульяпки деревьями. У меня закружилась голова от мысли, что его предстоит пройти.На этот раз наш дом показался мне веселым, как в те времена, когда я возвращался из школы. Я стал искать глазами наши окна, вспомнив, что на подоконнике раньше стоял горшок с геранью.Горшок и сейчас был там, но растение, очевидно, погибло, потому что за ним никто

не ухаживал. Деревянная лестница. Запах одеколona и старых пыльных ковров больше не шокировал. Я вошел «к нам», в мою старую квартиру, переполненную воспоминаниями. Их было множество — на выбор для любого состояния души. Я бросился к умывальнику, но, увидев кран, изъеденный ржавчиной, вспомнил, что воды нет. Лучше всего было бы отправиться в гостиницу. Но мой приход туда в этот час без багажа покажется подозрительным. Я положил чистую рубашку и костюм в чемодан. Мама сложила все мои вещи в целлофановые чехлы, обильно присыпав нафталином, чтобы они могли дожидаться моего возвращения. Конечно, они вышли из моды, но я был счастлив надеть их вновь. Я вышел, нагруженный старым истертым чемоданом, один из замков которого открывался на ходу. Я шагал быстро, так как торопился найти себе пристанище. Я сниму комнату с ванной, приму горячий душ и забудусь в добром сне. Только пересекая площадь около церкви, я вспомнил права Ферри, которые лежали у меня в кармане. Как бы случайно я уронил их на асфальт у одного из деревьев, и тут меня окликнули: — Эй, мсье! Вы что-то потеряли! Раздраженный, я медленно обернулся. На память пришел американский фильм, который я видел в тюрьме. Это была история про одного типа. Он хотел избавиться от какой-то вещи, и ему это никак не удавалось. В фильме была масса комических сцен. Каждый раз, когда он ее выбрасывал, что-нибудь вмешивалось и вещь снова возвращалась к владельцу. В конце концов он со злостью разрывает пакет и обнаруживает с удивлением, что там лежит какой-то совсем другой предмет. Мужчина, который окликнул меня, был довольно крепким малым. Он был одет в черное шерстяное пальто и серую шляпу, края которой напоминали борта лодки. В зубах у него торчал пустой мундштук. Я изобразил удивление: — Я? Он приблизился ко мне, радуясь, что удалось оказать услугу ближнему. Говорят, что большинство людей — плохие. Это ложь. Мир полон альтруистов. Он сам поднял с тротуара права. — Я видел, как они выпали из вашего кармана. Ведь они ваши? — Ах да. Благодарю вас... Я улыбнулся и протянул руку. Но вместо того чтобы вернуть права, мужчина положил

документы в карман, окинув их беглым взглядом. Я не сразу понял, что все это значит. Он отвернул лацкан — сверкнул полицейский значок:— Следуйте за мной, Эрбэн. Надо было что-то сказать, как-то отреагировать.— Я не понимаю...— Вот вам все и объяснят. Он поднял руку, подъехал автомобиль. Я даже не заметил, откуда он появился. Наверное, машина следовала за полицейским. Это был старый «фрегат» со снятыми крыльями. За рулем сидел мужчина в меховой куртке и зеленой фетровой шляпе с маленькими полями.— Садитесь, — приказал полицейский в пальто.— Почему?! По какому праву?! Он не стал утруждать себя объяснениями, я получил удар в спину и влетел в машину. Споткнувшись о свой бедный чемодан, я оказался на коленях на полу салона, застеленного дырявой резиной. «Пальто» село рядом со мной, удовлетворенно вздохнув. Автомобиль тронулся с места. Все молчали. Я старался разобраться в ситуации. Неужели они следили за мной от самого дома Драве? Уверен, что нет. Абсолютно уверен. Мне показалось, что я видел автомобиль — эту здоровую черную машину — напротив моего дома. Точно, они устроили ловушку у дома. На счастье! Чтобы выкрутиться, я должен был понять смысл действий полицейских. Это было несложно. Они хотели найти второго свидетеля, то есть меня. Я ведь по глупости сказал Ферри свое имя, когда мы знакомились в верхнем салоне Драве. К тому же он знал, на какой улице я живу — ведь я сам попросил высадить меня почти у дома. Полицейские навели кое-какие справки, узнали, кто я и откуда. Я призвал себя к спокойствию. Хотелось оставаться оптимистом. Они, наверное, спросят меня, где я провел ночь, и особенно будут интересоваться, откуда у меня права Ферри. «Фрегат» остановился у серого дома. Над дверью висело знамя, с которым я сравнивал себя совсем недавно.— Проходите! В коридоре сотрудники обсуждали прошедшее Рождество. Кабинеты, деревянные скамейки, плакаты, зеленые рефлекторы, запах чернил, заплесневелой бумаги, пота... Они больше не грубили — ограничились ударом в спину возле машины. Из всех сил я продолжал надеяться. Опасность, которая становится явью, уже

не так пугает. "Спокойно. Я провел ночь в одном из бистро в квартале. Там было полно людей, поэтому меня не заметили. А что касается этих пропавших прав... Так вот, что касается этих пропавших прав, то я подобрал их в машине Ферри. Подумал, что они выпали из моего кармана, а ошибку заметил слишком поздно. Буду придерживаться этих показаний. Они не могут ничего иметь против меня". Я с яростью повторял эти слова, словно хотел убедить самого себя. Если я поверю, то обязательно выпутаюсь. Потом я стал думать о мадам Драве. Я жалел, что не спросил ее имя, мне было бы проще думать о ней. Никогда еще я не встречал такого удивительного существа. Она обладала необыкновенной силой воли, редкой сообразительностью и вместе с тем была слаба и одинока. Мы принадлежали к одной расе — я и она. Инспектор в пальто рассказывал коллеге об играх своих детей, а тот заворачивал сломанную сигарету в клейкую бумагу. Для них сегодняшний день, несмотря на следствие, останется Рождеством. Где-то дома у них стояли елки, горели огни, смеялись дети, столы ломились от яств. Они принесли в это зловещее учреждение немного домашнего рождественского блеска. — Эрбэн! Инспектор, одетый в меховую куртку, резким движением указал мне на дверь кабинета. Мужчина лет пятидесяти, с комической лысиной, делавшей его череп похожим на картонный муляж, сидел за огромным, заваленным бумагами столом. У него был толстый и совершенно круглый нос, который словно положили на черную щетку усов. Он показал мне на стул, обтянутый шероховатой кожей, местами разодранной ногтями. — Альберт Эрбэн? Он говорил не глядя на меня, а уставясь на листок бумаги, испещренный мелкими карандашными записями. — Да. — Позавчера утром освобождены из тюрьмы Бомэтт? Автоматически я поправил его: — Нет, вчера утром. Из-за двух бессонных ночей у меня исчезло чувство времени. — Извините, вы правы, позавчера. — Как вы приехали из Марсея? — Ночным поездом. — А затем? Я пожал плечами. Теперь он уже смотрел на меня не отрываясь. У него были спокойные глаза, но в глубине зрачков тлел опасный огонь. — Я вернулся на квартиру своей матери, а

потом воспользовался вновь обретенной свободой.— Каким образом?— Единственно возможным: болтался по улицам, заходил в бары, рассматривал автомобили, которые появились за время моего заключения. Знаете, за шесть лет мир успевает измениться. Трудно вот так родиться заново.— Вы ходили на полуночную мессу? Ну, вот мы и подошли к главному, видимо, у него не было времени и желания ходить вокруг да около.— Да.— Во время службы одной даме стало плохо?— Да... Мадам... — я скорчил гримасу, словно никак не мог вспомнить имя. — Древе или Драве, не так ли?— Да.Бросая мне это «да», он повысил голос. Это было провокационное «да».— Вы сказали людям, которые вышли из церкви, что знаете эту женщину?— Ничего подобного. Я сказал, что знаю, где она живет, нюанс, не так ли?— А откуда же вы знаете, где она проживает?— Все очень просто. Прогуливаясь по кварталу, я видел, как она выходила от себя с девочкой. Шесть лет я не видел женщины с ребенком. А эти были очень красивые, и я заметил их. В церкви я их тут же узнал. Вот и все.— А может быть, вы следили за ней до самой церкви?— Нет.— Насколько известно, в заключении вы не очень-то любили присутствовать на церковных службах.— Ну и что?— А то, что, получив свободу, вы тут же понеслись со всех ног в церковь, не больше и не меньше, а?— Для многих людей рождественская месса не более чем спектакль! К тому же это моя церковь. Я пошел в нее в надежде встретиться со своим детством...Он захлопал глазами. Он все прекрасно понимал, но чувствовал себя сбитым с толку, очевидно, из-за атмосферы Рождества, которая таинственно меняла людей, события, вещи.— Согласен. Дальше?— Я проводил даму и ребенка вместе с одним услужливым господином, который в тот момент оказался рядом.— Дальше?За спиной раздался слабый шорох. Я оглянулся. Тип в меховой куртке записывал мои ответы на большом листе бумаги.— Мы сопровождали мадам... гм...— Драве!Он не был простофилей и понял, что я сыграл заминку.— ... Драве прямо домой. Пока она укладывала спать девочку, мы выпили. Когда она вернулась, то обнаружила, что забыла в

церкви сумку. Мы поехали обратно, а я попросил водителя высадить меня недалеко от моего дома. Он взял права и потряс ими перед моим носом. — А это? — Ах да! Когда мы возвращались от мадам Драве, я уронил в машине ключи, а поднимая, обнаружил и это. Ну я подумал, что они тоже выпали у меня из кармана... Я ошибся! Я понял это сразу по пламени, которое вспыхнуло в голубых глазах собеседника, и тут же прервал свои объяснения на полуслове. Он не верил мне, и не просто не верил — у него были доказательства того, что я лгу. — Так вы утверждаете, что нашли эти права в машине Ферри? — Да. — Вы хорошо подумали? — Да. Все его массивное тело словно обмякло. Он откинулся на спинку кресла и уставился на меня с вызывающе оскорбительной улыбкой на губах. — Вы лжете, Эрбэн. — Нет. Он с силой ударил толстой ладонью по кожаной поверхности стола. — Нет, да! И я докажу вам это. Потом, повернувшись к инспектору в меховой куртке, приказал: — Пригласить Ферри! В кабинет вошел Ферри. Он был по-прежнему одет в кожаное пальто и шагал, подобострастно кланяясь всем подряд. Увидев меня, он вежливо улыбнулся: — О! Добрый день, господин Эрбэн. Какое приключение, а? Я продолжал сидеть неподвижно, и он с удивлением обернулся к комиссару. Лысый снова потряс правами. — Ах! Вы нашли их, — воскликнул Ферри. — Вот видите, я был прав!.. — Минуточку, господин Ферри, — резко прервал его комиссар. — Будьте добры, расскажите господину Эрбэну, где находились ваши права. Ферри смутился. — Да, ну... ничего особенного, но этой ночью, когда мы были у мадам Драве, я спрятал свои права под подушками дивана. Я... Мы же с вами мужчины, Эрбэн, вы понимаете меня? Я подумал, что это будет хорошим предложением позднее вернуться. Эта одинокая маленькая женщина в собственном доме — прекрасная находка, не так ли? Для мужчины, который временно оказался свободен... При вас я стеснялся ухаживать за ней. Если бы я знал, что потом она сама пригласит меня к себе, то я, конечно... К тому же, если бы я знал, что меня ожидает у нее дома... Я даже нашел в себе силы улыбнуться ему: но почувствовал, как внутри все похолодело. — ...Но так

только я увидел ее мертвого мужа, тут же забыл об этих чертовых правах. А дома в гараже вспомнило них. Тогда я пришел сюда и рассказал этим господам всю эту историю...Комиссар щелкнул пальцами:— Спасибо, господин Ферри. Вы можете быть свободны.Сбитый с толку Ферри еще какое-то время сидел с открытым ртом, затем согласно кивнул головой и, пятясь, вышел из кабинета.Комиссар сложил руки на столе.— Вот так вот, Эрбэн.— Я не виноват! — закричал я изо всех сил.— Вы были не на высоте, Эрбэн. Вы даже не разыграли удивления, когда Ферри рассказал о мертвом муже.Должно быть, я выглядел комически, потому что он разразился хохотом. Это окончательно доконало меня.— Вы все записали, Бланш?— Да, господин комиссар.Лысый наклонился вперед. В его толстый живот впился кожаный край стола. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего. У меня подступила к горлу тошнота, потому что от него пахло кофе с молоком.— Послушайте меня внимательно, Эрбэн. Когда вы все трое вышли на Драве, права лежали под подушками дивана. А когда Ферри и мадам Драве вернулись, то нашли господина Драве мертвым и ни к чему не прикасались. После утреннего заявления Ферри мои люди сходили к мадам Драве и все обшарили — и диван, и салон — прав не было. Вывод: вы проникли в квартиру мадам Драве в ее отсутствие. Вы знали, что, кроме ребенка, в доме никого нет.Случай, весьма удобный для человека, который только что вышел из тюрьмы и находится совсем без средств.Пока вы рыскали в квартире, вернулся Жером Драве. Он угрожал вам пистолетом. Вам удалось его разоружить и вы убили его выстрелом в упор. Пока вы боролись, подушки сползли с дивана, а укладывая их на место, вы и нашли права Ферри. Только вот зачем вы их взяли? Тупой рефлекс? Тупой и опасный, потому что он позволил нам прижать вас!Он все говорил, говорил, уверенный в своих обвинениях.Я его больше не слушал. Я вновь оказался в лабиринте. Теперь у Драве был только один салон. Я сам, собственными руками, уничтожил второй.Я бы мог попробовать рассказать правду, но у меня не было никакого желания это делать. Как заставить их принять эту правду?

Кошмары — личное дело каждого, и человек становится смешным, пробуя пересказать их людям. С ними надо просто жить, просто жить...Я сидел и думал о голубой птице в серебряной клетке, которая теперь раскачивалась над кроваткой девочки. Я вышел из тюрьмы только для того, чтобы купить эту игрушку. Это символ! Меня снова посадят в клетку. Если только мадам Драве, узнав о моем аресте...— Скажите, господин комиссар...Очевидно, я прервал его в самый разгар разглагольствований.Он был просто ошарашен, когда вдруг понял, что я даже не слушал его.— Что?— Скажите, пожалуйста, как зовут мадам Драве?Он посмотрел на меня, на инспектора, затем наконец на лист бумаги, который лежал перед ним на столе, и бросил сварливо:— Марта.— Спасибо.Отныне мне оставалось только молчание.Последнее слово за Мартой. Она должна решать.